

Анна Чернышева

СЛАДКАЯ ДЕВОЧКА
ИЗ КОРОЛЕВСТВА ЭЛ

Королевство Эл

Анна Чернышева

**Сладкая девочка
из Королевства Эл**

«Автор»

2026

Чернышева А.

Сладкая девочка из Королевства Эл / А. Чернышева — «Автор»,
2026 — (Королевство Эл)

Юная помощница кондитера попадает в средневековый мир, в котором нет сахара. Совсем. Зато есть политические интриги, обворожительный красавчик-лорд и злобная бестия, которая положила на него глаз. И запретная магия. И всё бы ничего, но наша Сладкая девочка - полная неудачница, которая ничего в жизни не добилась. Её тесто опадает, торты не пропекаются, а ценные запасы специй сжирают крысы. Но самое поганое - это то, что привлечь внимание холодного красавчика-лорда можно только одним способом... Роман в нескольких томах. Продолжение ищите в серии "Королевство Эл"

© Чернышева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	57
Г	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Анна Чернышева

Сладкая девочка из Королевства Эл

Глава 1

Колокольчик на двери звякнул, и в кофейню зашёл высокий кудрявый брюнет. Несмотря на тёплый сентябрьский день, на шее был красиво повязан стильный шарф в цвет его глаз. Я затаила дыхание. Сейчас он, оформив заказ у стойки, поднимет на меня взгляд, его голубые глаза встретятся с моими серыми, и он влюбится, молниеносно, на всю свою жизнь...

— Женя, мать твою! Кто поставил контейнер с глазурью на плиту?!

Я мгновенно учуяла запах палёного пластика и оторвалась от созерцания мужчины моей мечты. Сзади стояла дородная Наталья Ивановна и, уперев руки в бока, прожигала меня взглядом. Сзади неё, на плите, растекалась зеркальная глазурь, которая убегала из расплавившегося днища пластикового контейнера. Это был весь запас шоколадной глазури, которой сегодня должны были покрыть муссовые пирожные, предназначенные на продажу. Круглые заготовки терпеливо ждали своей очереди, исходя сладкой росой на стеллаже, уставленном подносами с муссовыми тортами, которые тоже размораживались при комнатной температуре.

Глазурь — штука капризная. Помимо того, что её нужно правильно приготовить, так полагается ещё и правильно разогреть перед заливкой. Если после холодильника растопишь чуть сильнее, чем надо, то она вся стечёт с пирожных, оставив некрасивые разводы. А если не догреешь, то глазурь ляжет толстыми шоколадными соплями, которые уже никак не исправить.

А вот если испортить весь запас глазури в кондитерской, то новая «созреет» только завтра — потому что между приготовлением и заливкой должно пройти минимум шесть часов. А это значит — сегодняшние пирожные не будут готовы к нужному сроку и испортятся. Заново их не заморозить, а голыми, без покрытия глазурью, не продать. Это был полный звездец. Я пропала!

Перед тем, как в дверь вошёл стильный брюнет, я как раз перемешивала глазурь после микроволновки, оценивая степень её текучести. И, видимо, улетев в мечты, поставила пластик на горячую плиту под моей левой рукой...

— Вон отсюда! Меня достало твоё рукожопство! Вечно витаешь в облаках, вместо того, чтобы работать! Вчера у тебя тесто на бриоши опало, а позавчера ты не убрала специи в ящик и их погрызли мыши! От тебя одни убытки! Иди ищи мне глазурь, где хочешь, но найди! Иначе все эти пирожные я засуну в твою тощую задницу! И вычту из зарплаты! — неслось мне вдогонку, пока я надевала тонкую вязаную кофту поверх форменной майки с надписью «Сладкая Чашка». Дурацкое название для пекарни, как по мне. Ещё и наши конкуренты из кафе за углом дразнили нас «Сладкими девочками», вкладывая в это прозвище сексуальный подтекст. Упыри!

Выйдя на улицу, я огляделась. Где сейчас искать порцию созревшей глазури? Любой уважающий себя кондитер готовит массу с добавлением нужных цветов заранее, да ещё и с запасом. А эта Наталья Ивановна всегда экономит на продуктах, рассчитывая всё до грамма, и никогда не запасая впрок. Как будто сама никогда не ошибается!

Так я бубнила себе под нос, оглядывая улицу в поисках спасения. Не могу же я вломиться с улицы в какую-нибудь кондитерскую с предложением продать мне глазурь? Даже живописный рассказ о том, как Наталья Ивановна откусит мне мою рыжую голову, не поможет. У всех на кухнях такие же злобные церберы, ещё и посмеются мне вслед.

— Господи, помоги, помоги, помоги! Что мне делать? — я запрокинула лицо вверх и зажмурила глаза. На щёки холодной росой упали капли первого дождя. Из соседнего окна

пахло булочками с корицей, а под ногами шелестели первые жёлтые листья. Никогда не любила сентябри. И этот — не исключение.

Я открыла глаза, раздумывая, что делать, и увидела рекламный щит с надписью: «Тебе туда!»

Это знак! Повернув голову вправо, увидела торговый центр, а память услужливо напомнила, что в нём есть кондитерский магазин. Там продают на развес шоколад, какао, даже творожный сыр на крем... Может быть, кто-то додумался продавать и глазурь? А что, она хранится долго, если её заморозить... Чем чёрт не шутит?

И я рванула прямо в открытые двери торгового центра, решив перебежать дорогу прямо здесь, пока нет машин.

Уже добежав до середины проезжей части, услышала трубный рев и увидела, как прямо на меня мчится огромная машина. Я припустила вперёд, но водитель, уходя от столкновения, тоже повернул руль вправо. В тот момент, когда я уже ставила ногу на бордюр, его вынесло на тротуар и он врезался в будку с надписью «Шаурма». Последнее, что я видела — это большое огненное пятно на месте точки фаст-фуда, сильный «ба-бах!» и себя, подлетевшую вверх на десяток метров от земли.

Падала я недолго, но плюхнулась в ледяную воду. Открыв рот от испуга, захлебнулась и почувствовала, что вода солёная. Что за шутки? Из всех сил барахтаясь, я выплыла на поверхность, одновременно стукнувшись головой о что-то твёрдое. Но оно быстро уплыло в сторону, я смогла сделать первый вдох. Солёная вода разъедала глаза, и я наугад била руками по воде, пока не ощутила на поверхности что-то деревянное. Это был обломок какой-то доски, который, тем не менее, смог удержать меня на плаву. Освободив одну руку, я протёрла глаза и смогла, наконец, оглядеться.

Надо мной висели свинцовые тучи, готовые разразиться дождём. Повсюду, куда хватало глаз, бушевали зелёные волны. Прямо передо мной, покачиваясь на волнах, тонул большой корабль. Его мачты с клочками парусов то ныряли в бездну, то выныривали обратно. Это его обломки усеивали окрестные воды и на одном из них я сейчас держалась на воде.

Я что, упала с неба на этот корабль и раздавила его, как домик Элли злую волшебницу Гингему?

Я хрипло рассмеялась, и в мой рот тут же хлынула очередная волна.

— Эээй, кто-нибудь! Помогите! — кричала я, но только зря срывала голос. Может быть, на том перекрёстке я умерла и так выглядит мой ад? Я всегда ненавидела холод, потому что моё костлявое тело мёрзло под любой одеждой, а белая кожа, незнакомая с румянцем, вовсе становилась синей и делала меня похожей на мертвеца. Сколько себя помню, я куталась в кофты, шали, пледы, и с наступлением осени проклинала коммунальщиков, которые давали тепло в мою квартиру только тогда, когда из носа уже вырастала сосулька.

И теперь, наказывая за неуклюжесть и невезучесть, меня запихнули в холодное море с дождём, и я буду теперь вечно покачиваться на волнах, срывая голос и медленно замерзая?

Я совсем расклеилась, но пальцы, одеревенело сжимающие спасительный кусок дерева, никак не хотели разжиматься. Я было подумала, что легче всего будет попить утопиться, но телом уже не владела. Ног и рук я не чувствовала, и только упрямая рыжая прядка лезла в рот. Я отплёвывалась от неё, параллельно рыдая в голос и жалуясь на судьбу.

Всю свою жизнь со мной что-то происходило! Пока подругам везло и они вытаскивали счастливые билетки на экзаменах, я попадалась на шпаргалках и списывании. Когда другие покупали лотерейные билетки и выигрывали, я теряла кошелек с деньгами. Да я даже в генетической лотерее не выиграла! Мои тощие ключицы, бледная кожа и волосы цвета медной проволоки вызывали только насмешки мальчишек, пока длинноногие блондинки с пышной грудью водили за собой на поводке лучших парней школы, а потом и колледжа. Я и кондитером-то

стала в надежде отгесться и стать хоть чуточку пышнее! А ещё в память о бабушке, которая при любых неприятностях говорила: «Садись, давай заварим чайку и съедим плюшку!» И она ставила свистящий чайник на газ, доставала свежее испеченные булочки с корицей, которые у неё не переводились, и утешала меня, всегда находя мудрые и добрые слова. Она одна не считала меня неудачницей, но, к сожалению, слишком рано ушла из моей жизни.

И тут, как по волшебству, я ощутила аромат корицы. Как? Откуда? Я разлепила глаза, склеенные солёными ресницами, и огляделась. Прямо передо мной, прибитый волной к моей деревяшке, плавал резной деревянный сундучок. Слабый аромат исходил от него. Что это? Булочки с корицей от бабушки? Привет с того света?

Я вцепилась в сундучок, но на нём висел навесной амбарный замочек, и открыть его я не смогла. Зато, опираясь на него, обрела целых две точки опоры, и смогла расслабить мышцы одной руки, которая держала меня на плаву, вцепившись в деревяшку. Если бы это был Титаник, то я бы нашла большую дверь и залезла на неё как Роуз. Но ни двери, ни Ди Каприо рядом не было.

Прошло какое-то время, все вокруг стихло, и я догадалась, что корабль затонул. Над волнами больше не поднимались мачты с обрывками парусов, да и само море практически успокоилось. Из злобно-зелёного оно превратилось в спокойное, а впереди показалось ярко-голубое окно в тучах. В моей душе тоже забрезжила надежда. Поплотнее обхватив сундучок, я положила на него голову и замерла. Что же там всё-таки внутри?

Убаюканная мерно покачивающимися волнами, я уснула. Во сне ко мне приплыл Джек из Титаника и начал меня тормозить: «Проснись, Роуз! Я приплыл за тобой! Ну же, открой глаза!» Он неожиданно хлётко ударил меня по щеке, и я распахнула глаза.

Прямо из темноты на меня светил стеклянный фонарь, а рука человека, державшего его, тербила меня по плечу.

— Т-ты-ы з-з-ачем м-меня б-б-бьешь? — прохрипела я непослушными губами, а человек передал кому-то фонарь и протянул руку:

— Хватайся!

— С-с-сначала с-с-сундук, — забеспокоилась я. Мужчина чертыхнулся и крикнул кому-то за плечо:

— Помоги вытащить и девушку, и сундук, — и снова протянул мне руку. Я выпустила деревяшки и вложила свои ледяные пальцы в большую тёплую ладонь. Он начал тянуть, и уже через мгновение я оказалась лежащей на дне деревянной лодки, прижимаясь щекой к сухому дереву. Господи, спасибо!

Как мы добрались до большого парусного корабля, я не помнила. Чувствовала только дрожь, которая сотрясала тело, и дикий холод, который проморозил все внутренности. Свернувшись в позу эмбриона, я пыталась согреться. Меня на руках подняли на борт, потому что я уже не могла разогнуться, несмотря на сухой плед, который накинул на плечи мой спаситель. Двое других в лодке усиленно гребли, а этот отпаивал меня чем-то остро-пряным, вливая по глоточку в онемевшие губы. Зубы стучали о фляжку, но я мужественно глотала крепкую жидкость, которая согревала внутренности, и одновременно кривилась от этого вкуса. Сам напиток я не узнавала.

Потом меня передали какой-то женщине, которая меня раздела, растёрла сухой колючей тряпкой, напоила горячим травяным отваром, укутала в большой пуховый платок и уложила отдыхать. Вырубилась я моментально.

— Эй, девица, просыпайся! — кто-то невежливо тормозил меня по плечу, а потом легонько припечатал по щеке. — Проснись же!

Я тяжело выныривала из забытья, ощущая всем телом лёгкую дурноту — корабль под мой мягкой покачивался на волнах. Наверху слышался топот, уверенные шаги множества ног

и передвигаемый груз. Я повернула голову к круглому иллюминатору, приоткрытому на манер форточки, и уловила запах дыма.

— Ммм, — промычала, пытаюсь сфокусироваться на том, кто меня так бессовестно разбудил.

— Вот, молодец! Давай, вставай, мы уже причалили. Больше нет времени разлёживаться!

— Что, даже кофе не нальёте? — пробормотала я и начала подниматься. — Мне карамельный латте с сырной стружкой и солёный крендель.

— Чего?! — взывала дородная женщина с в тёплой шали и с повязанным под подбородком шерстяным платком. Одета она была в в стиле бохо — длинная суконная юбка, сверху — шерстяная безрукавка и бежевая мятая блузка. Поверх всего этого накинута синяя шаль с бахромой, а на голове — платок неопределённо-винового цвета. Ни единой волосинки не пробивалось из-под ткани, а лицо маслянисто блестело в свете свечи, зажжённой там, где я спала.

Я распахнула глаза и огляделась. Под стать странной женщине была и каюта: полностью отделанная деревом, она пахла пылью и мышами. Ни лампочек, ни розеток. Только две койки по бокам, да над ними по паре свёрнутых тканевых гамаков. Одно круглое окошко и низкая дверь. Женщина сидела в ногах моей кровати и нетерпеливо притопывала ногой.

— Чего тебе с кренделем? — нахмурилась она.

— Уже ничего, извините, — буркнула я и решила больше её не злить. Мало ли?

— На, держи юбку и платок, хоть срам прикроешь, — чуть более любезно произнесла моя будительница и протянула аккуратно сложенные в прямоугольник тёплые вещи. — А то итак синяя вся, в чём только душа держится...

Я схватила стопку вещей и пощупала — платок был шерстяной и колючий, но большой. Таким можно и плечи прикрыть, и спину. Судя по всему, на море холодно. А юбка оказалась большим пледом в бежево-коричневую клетку. Такое я любила! Ну и мои вещи тоже аккуратно сложены — синие джинсы, бордовое худи и белый лонгслив.

Сейчас же я была в длинной ночной сорочке, которую на меня нацепили, видимо, когда я уже отключилась. Куда подевались мои трусики и бюстгалтер, я предпочла не спрашивать.

Спрыгнула с кровати, нащупав ногами свои ботинки. Их высушили, отчего они слегка покорёжились после купания в морской воде, но зато напоминали о доме. Влезла в джинсы, кофту и худи, поверх штанов накрутила юбку и услышала одобрительное:

— Так ты для тепла штаны под юбку надеваешь? Хитро! А я думала, ты просто так в брюках разгуливаешь! Чудные они у тебя!

Затем заплела по-быстрому косу, завязав резинкой, чудом сохранившейся на запястье. Моя благодетельница помогла мне накинуть на голову платок и первой вышла, оставив дверь приоткрытой.

Я ступила на палубу и поёжилась от ядрёного ветра. Он свирепствовал так безжалостно, что казалось, будто из меня тут же выдует остатки прежнего тепла. Я быстро повязала платок на крестьянский манер — завязав концы на затылке — и прикрыла ключей шерстью щёки, шею, ключицы и всю спину. Если будет ещё холоднее, придется накинуть капюшон худи.

Моим глазам предстал старинный портовый город во всей красе. Сто раз я видела такие в фильмах: лошади, брички, носильщики, на горбу таскающие тяжёлые бочки и вместительные ящики. Сразу за причальной стенкой к берегу лепились низкие деревянные здания с покатыми крышами и распахнутыми настежь воротами. Непрерывный людской поток выносил оттуда грузы и заносил новые. Склады?

С берега тянулся лёгкий дымок, который я с наслаждением вдохнула: это был запах шашлыка, жарящегося на даче осенью. Кто-то готовил мясо на огне и продавал матросам. Далеко вправо и влево, насколько хватало глаз, раскинулись пришвартованные корабли. Все они были парусниками.

— Ну что, девица, куда тебя дальше доставить? — слышался над ухом хриплый простуженный голос. — Куда плыл твой корабль?

— Я... я не помню, — промямлила я. — Я ничего не помню.

— Как хоть зовут-то тебя, помнишь?

— Женья, — пискнула я, не зная, как и что следует отвечать.

— Как? Джейн? — громко переспросил капитан.

— Да, Джейн, — поправилась я. — И я ничего про себя не помню.

Запах шашлыка с берега дразнил, а палуба под ногами укачивала и хотелось скорее сойти на землю, чтобы уже там продолжать неприятный разговор.

— Это плохо. Кому мне тебя передать? Негоже девицу одну в порту бросать, — пробормотал капитан, надрывно кашляя. — Твоих с корабля никого не нашли, видимо, всех море забрало, упокой, Господь, их душу...

Он перекрестился, а я быстро соображала. Одной мне и правда нельзя, а этот морской бродяга казался добрым.

— А вы куда направляетесь? Возьмите меня с собой, авось, я по пути что-то и вспомню...

— Ну давай. Только мы тут по-простому, слуг у меня нет, будешь сама справляться, — с сомнением посмотрел он на меня. — Сдаётся мне, ты из благородных, ручки вон какие белые.

Я кивнула, не став спорить.

— Мы едем на север, через Злобные Пустоши, по пути доставляя грузы моим заказчикам, а потом в столицу королевства, к озеру Аррон. Я велю морякам погрузить твой ларчик на лошадь, и в путь. А пока держись Бертю — с ней не заблудишься.

Я снова кивнула, и повернулась к своей спутнице. Та молча достала большой мягкий тюк, завязанный в большой узел, и взвалила на себя.

— Ну, пойдём, Джейн, раз наш капитан тебя пожалел, — ласково проговорила она. — Авось и доставим тебя родне по пути, а то негоже девице одной по стране мотаться. Ты давай, это, вспоминай, чья ты да где живёшь.

Но я её бормотание уже не слушала. Средневековый порт! У меня захватило дух! Всё как я представляла, читая по ночам книги под одеялом. Никаких сотовых, вонючих машин, столбов электропередач и инфантильных мальчиков. Наверняка тут есть настоящие рыцари, и дамы, и красивые платья! Боже мой, куда я попала?! Это ведь не сон?

Я пощипала себя за запястье. Получилось больно, но видение не рассеялось. Тяжёлые низкие тучи висели над городом, гомон толпы ощущался как мерный однообразный шум, а я еду путешествовать, чтобы прибыть в столицу! Вот это да!

Глава 2

К сожалению, в портовом городе мы не остановились. Прямо на причале стоял небольшой обоз: фургон, три телеги и пять конных всадников. Матросы заканчивали закреплять груз в телегах, а Берта, смешно переваливаясь со своим узлом за плечами, уже залезла в фургон. Дно его было устлано тёплым шерстяным пледом, под которым шуршала сухая солома. У бортов лежало с десяток разноцветных подушек, а в самом углу — знакомый мне резной сундук, за который я цеплялась в море.

Я вопросительно посмотрела на Берту, и та кивнула:

— Да, твоё имущество, выловили вас в обнимку. Не знаю, что там, потому как замок висит. Наверное, надо открыть да просушить, коли морская вода совсем там ничего не попортила.

Но, к сожалению, ключа у меня не было. Как быть? Не ломать же замок у всех на виду? Я решила, что улучу минутку, когда никого не будет рядом, и просто его собью. А пока придётся потерпеть.

Берта уселась на место для возницы, подобрала ноги и приготовилась к дороге. Капитан, надрывно кашляя, вскочил в седло и тронул поводья. Мы двинулись в путь.

Низкие тучи, висевшие над горизонтом, так и не разродились дождём. Выйдя за пределы города, мощёного выпуклым бульжником, о который оскальзывались лошадиные копыта, мы очутились прямо под голубым окном неба среди серых туч. Холодный ветер раздувал мрак и относил облака в сторону моря.

Пахло сырой землёй и прелой листвой. Здесь, судя по всему, тоже была осень — обширные пустоши с жухлой травой перемежались холмами с яркими бордово-зелёно-оранжевыми деревьями. Грунтовая дорога вилась между ними, и я ёжилась, поглубже кутаясь в шерстяной платок. Ну ничего, у природы нет плохой погоды, — утешала я себя, пряча покрасневший нос в тёплую ткань.

Катили по цветной осенней дороге, пока солнце не выглянуло из-за туч и не возвестило о том, что пора пообедать.

Весь наш обоз свернул с дороги, и путники начали спешиваться. Моя пятая точка отваливалась, но поясница ныла ещё больше. Я с удовольствием поприседала и походила вокруг телег, разминая затёкшие колени. В джинсах под длинной шерстяной юбкой было тепло, и я оценила заботу Берты.

Мужчины тем временем развели костёр, а моя благодетельница шустро налила воды в большой котел, кинула туда внушительную кость с обрезками мяса, сухие колбаски, картошку и морковь. Пока она рылась в сундуке с провизией, я отпросилась отойти по нужде.

Ушла недалеко от лагеря, осмотрелась. Местность был живописная: сосновые леса впереди вставали мрачной стеной, но до них ещё было далеко, и пространство до них всё поросло травой, перемежаясь скалистыми обломками. Как будто кто-то огромный раскидал по всему полю каменные глыбы высотой с трёхэтажный дом.

Я, сделав свои дела, присела на один из обломков, поросший пружинистым зелёным мхом. Было мягко и сухо, как будто я расположилась на меховой подстилке. Залюбовалась коричневым глянцевым грибочком, который кокетливо выглядывал из-под жёлтого листа, неизвестно откуда занесённого ветром.

Внезапно у грибочка появился влажный чёрный нос, который на секунду принюхался, а потом ткнул в гриб и повалил его на землю. Я вскрикнула. На меня, не мигая, смотрели умные янтарные глаза с вертикальной чёрточкой посередине. Усатая мордочка была белой, переходящей в такую же белоснежную шерстяную шею. А верх головы и треугольные уши были рыжие. Такие же, как моя голова. Лиса!

Я рассмеялась от удивления. Здесь звери не боятся людей?

Лиса, насторожившись от звука моего смеха, дёрнулась, но не ушла. А потом, когда я протянула к ней руку, замерла и выжидала, что же я буду делать дальше.

— Если ты немного подождёшь, я принесу тебе что-нибудь поесть, — приветливо произнесла я, удивляясь, что лиса до сих пор не убежала. Не бешеная же она?

Наконец, животное отвернулось и отошло, не создавая никаких звуков. Надо же, как бесшумно она ходит. А мне мама всегда говорила, что я топаю, как слон.

Я улыбнулась сама себе и поспешила к лагерю, где разжилась куском хлеба и обглоданной костью для моей подруги. Даже если я снова не застану её, то оставлю ей от себя гостинец. Где-то читала, что лисы — из отряда собачьих, а значит, кость ей должна понравиться. Ну а хлеб, быть может, склюют птички...

Вернувшись на камень, я осторожно положила угощение рядом с поваленным грибом и позвала старую знакомицу:

— Лисичка, прими угощение! Я тебе подарочек принесла, — хихикнула, внезапно осознав, как глупо, должно быть, выгляжу со стороны.

Уловив боковым зрением движение, я сразу поняла, что лесная гостья вернулась. Она понюхала подношение, потом осторожно смела языком кусочек хлеба с камня и принялась его жевать. Я удивилась.

— Меня зовут Женя, — представилась я, — а тебя я буду звать Рыжик.

Лиса доела хлеб, покосилась на меня янтарным глазом, потом схватила в зубы кость и была такова.

Ну что ж, своё путешествие в этом мире я начала с подношения лесному зверю. Неплохо! Бог даст, мир примет меня и оплатит тем же.

По возвращению в лагерь меня ждал густой наваристый суп. В нём, помимо костей и картошки, плавали копчёности и рис. Похлёбка была горячей, обжигаящей язык и нёбо. Я с удовольствием хлебала её, пока мужчины жарили на углях мясо.

— Это вместо ужина, — пояснила Берта. — Мы будем ехать, не останавливаясь, всю ночь, чтобы к завтрашнему дню миновать Злобные Пустоши и выехать к озеру Аррон. А там переправимся через Келлу и будем в столице.

Эти названия ни о чём мне не говорили, но я благоразумно решила промолчать. При случае спрошу что-то ещё, а пока важно не выдать своё невежество.

Горячую воду разлили по металлическим фляжкам в дорогу — интересно, у них тут есть термосы? Мясо нарезали на куски и разделили на всех поровну, так же поступили с хлебом и сыром. Я ещё взяла себе пару красных яблок, которые никто почему-то не захотел. Мне же до жути хотелось сладкого и чего-то растительного, потому что я не привыкла к так долго обходиться без свежих овощей и фруктов.

Потушив костёр и отвязав лошадей, мы снова погрузились в повозку и продолжили свой путь. На небе уже начали проступать первые звёзды, хотя солнце только-только клонилось к закату. Я сонно клевала носом, укутавшись в тёплую меховую полость, свёрнутую в углу повозки, и задремала.

Мне приснилась мама, которая сидела на своей кухне и, не мигая, смотрела на кружку чая. Фоном разговаривал телевизор, и привычная обстановка освещалась лишь этим экраном. В открытое окно задувал холодный ветер и теребил её волосы. Ей же холодно! Надо встать и закрыть окно, иначе простудится!

Я громко вскрикнула и проснулась, ощутив влагу на щеках. Плакала во сне? Мама... Как же я не хотела о ней думать! Что со мной стало в том мире, откуда я так стремительно выпилилась в новую реальность? Моё тело всё ещё со мной, значит, там его найти не могли. Что же сообщили моей маме?

А вдруг там был пожар, и ей сказали, что я там сгорела? Мамочка... Стало невыносимо жаль её и себя.

Мы с ней мало общались в последний год, и я уже несколько лет жила одна, обучаясь в кулинарном колледже на технолога-кондитера, бросив универ после первого курса. А мама остро переживала смерть отца, мой переезд в большой город и отказ от профессии бухгалтера, а потом и наше взаимное отчуждение.

И сейчас, увидев её во сне, я поняла, что не хочу думать о том, каково маме сейчас. Да, нам было тяжело вдвоём, но я не желала ей страданий.

Шмыгнув носом, я вытерла рукавом щёки и уставилась вперёд. Усталая спина Берты покачивалась в такт лошадиным шагам, а на востоке уже алел рассвет. Почесав щёку ещё раз, я переползла к женщине и тронула её за плечо:

— Берта, давай я подержу вожжи, иди отдохни, — пробормотала, неуверенная, что смогу управлять телегой, но жаждущая быть полезной.

Моя возница обернулась, минуты две пристально смотрела на меня, а потом рассветную тишину пронзил её испуганный вопль:

— Уйди от меня! Зараза! Больная! На помощь! Помогите, у нас зараза!

Я отшатнулась от неё, обернувшись назад. Где зараза? Но сзади меня никого не было, а Берта со страху натянула поводья и уже спрыгнула с телеги, направляясь в голову обоза. Наш караван встал.

К телеге начали подбегать люди, что-то крича и размахивая руками, а я опустила глаза на свои руки и увидела, что все они покрылись крапивницей. Ощувив зуд, я начала их почёсывать, и тут же сообразила, в чём дело.

Подбежавшая Берта начала выгонять меня с телеги, крича:

— Прочь, прочь с моих вещей, бесстыдница! То-то я смотрю, ты какая-то странная. А это у тебя разум уже болезнью затуманен был, а сейчас и сыпь проявилась! Совсем скоро будет огневица, и мы тут все от тебя заразимся!

Я же, порывшись в памяти, пыталась её перекричать:

— Берта, во вчерашней похлёбке был горох?

Та на мгновение замолкла, видимо, не ожидая от меня такой реакции. Потом неуверенно кивнула.

— Ну, вот видишь! У меня на горох аллергия, ещё с детского сада! Я сразу покрываюсь волдырями. Жаль, что я не видела, как ты его сыпала в похлёбку! А из-за копчёностей не заметила вкуса. К тому же, там был рис! Кто кладёт в суп рис и горох одновременно? — возмутилась я.

— Прочь, не хочу ничего слышать! Забирай одеяло и свой сундук, и катись с моей телеги! Послал же Бог такую напасть на старости лет! Только я хотела прикупить домик да погреть кости на солнце, а тут эту принесло! И захочешь дожить дни в тепле — не дадут! Вон!

За её спиной толпились мужчины, и сипло дышал капитан. Он громко крикнул, чтобы все замолчали, и сказал, обращаясь ко мне:

— Извини, Джейн, но тебе надо уйти. Я не знаю, причём тут горох и эта, как её, ал... арле...

— Аллергия! — нетерпеливо подсказала я.

— Да! Но я вижу то, что вижу: у тебя сыпь, и она быстро растёт. Мы итак уже сделали доброе дело, вытащив тебя из воды. Теперь ты сделай доброе дело, уйди сама, не подвергай опасности честных людей.

— Да я не больна! Я прекрасно себя чувствую! Эта сыпь — свидетельство того, что мой организм не переносит бобовые! Она пройдёт уже через несколько часов.

— Нет! — твёрдо сказал капитан, прокашлявшись на сыром утреннем воздухе. — Уходи. Бог даст, не пропадёшь! Мне мои люди дороже.

Я вздохнула и спрыгнула с телеги, закутавшись в меховое одеяло.

— И сундук свой забирай! Нам чужого не надо! — истерично крикнула Берта.

Я снова залезла на телегу, достала тяжеленный сундук и стащила его на пыльную землю. Лучше бы вместо него мне осталась моя сумочка, где всегда лежат антигистаминные и обезболивающее. Я была зла, и упрямо думала: «Ну и пусть! И без вас проживём, чёртовы невежды!»

Через пять минут от каравана осталась только пыль, которая медленно оседала на дорогу. Я осталась совсем одна ранним утром, на неизвестной дороге, в компании тяжеленного сундука и с настоящим сокровищем — меховым одеялом, которое грело спину и не пропускало к телу пронизывающий ветер. А, и ещё с вчерашним ужином — хлебом, сыром и холодным мясом, которое я не успела съесть вчера, потому что заснула. Ну что ж, голод мне сегодня не грозит, поэтому есть время для активных действий!

Ну что ж, и куда мне теперь? Если впереди столица — то мне, очевидно, туда. Самое главное, не сходить с дороги, чтобы не пропустить новых попутчиков. А пока остаётся только одно — идти вперёд. Я сняла с талии пояс, привязала за замок сундука и волоком потащила по пыльной грунтовке. Ну а что, если амбарный замок сломается — хорошо, я, наконец, узнаю, что там внутри. А если нет — то он поможет мне дотащить это приданое до самого озера Аррон. Или как его там.

Шаг за шагом преодолевая расстояние, отделяющее меня от человеческого жилья, я пела в такт популярную девчачью песенку и почёсывала зудящие руки и щёки. Часа через два или три я почувствовала, что поднявшееся солнце начало припекать, и скинула с плеч одеяло. Оно было громоздкое и объемное, поэтому я сняла с головы платок, упаковала в него мех и завязала в узел. Кое-как пристроив его на сундуке, я ощутила, как мне стало легче идти. Но теперь я осталась без головного убора, и волосы, выбившиеся из косы, щекотали мне щёки.

Ещё через час навстречу попался всадник, который куда-то очень спешил. Я видела, как он взглянул на меня и тут же отшатнулся, и ветер донёс до меня его испуганные слова:

— Заразная... Рыжая...

Да что ж такое! Ни в одном из миров рыжим нет покоя! Я всегда считала себя бледной молью по сравнению с видными одноклассницами. Белая кожа, бесцветные брови и ресницы, морковные волосы, за которые все меня дразнили «рыжей-конопатой». Да и мама, глядя на меня, вздыхала: «Как же ты жить будешь, такая рыжая и такая неуклюжая?» Но жить как-то приходилось, и в подростковом возрасте от перекраски волос меня отделяли только замечания, что брови и ресницы не переделаешь. Как только я красила брови — я становилась похожа на Марфушеньку-душеньку. Как ни странно, морковные волоски над глазами шли мне такими, какие есть. Поэтому приходилось мириться со своей рыжиной и выслушивать колкие насмешки.

Вот бы в этом мире рыжие ценились на вес золота! Были бы уникальными, талантливыми и что-нибудь такое. А этот опять своё: рыжая...

Но тут я сообразила, что я такими темпами никогда не найду себе попутчика. Надо что-то делать с сыпью, раз уже таблеток от аллергии я с собой не захватила. Травы? Мази? Что я знаю о целебных свойствах трав?

Цепляясь взглядом за обочину дороги, я уловила быстрое движение в высокой траве. Что это? Приглядевшись внимательнее, тут же обнаружила рыжий хвост кисточкой и быстрые внимательные глаза. Вот это да! Вчерашняя подруга?

Будто бы в подтверждение, из травы появилась умная морда и внимательным взглядом уставилась мне в лицо.

— Ты что, меня куда-то зовёшь? — игриво спросила я.

Та махнула хвостом, но с места не сдвинулась. Потом отбежала влево от дороги и через десяток метров остановилась и вновь обернулась на меня. Я вздохнула.

— Ну куда я за тобой с таким сундуком, а? — мне казалось, что лиса вполне меня понимает. Ну, и больше разговаривать всё равно было не с кем.

Лиса снова отбежала на несколько шагов и взглядом позвала за собой.

— Ну ладно, ладно, — закричала я и свернула с дороги. Как ни странно, но по гладкой траве волоочь сундук было легче, и я пошла веселее. Лиса бодро шагала впереди и останавливалась, когда мне приходилось преодолевать какую-то выпуклость или обходить яму. Мы отошли уже на приличное расстояние от дороги, когда лиса остановилась и начала к чему-то принюхиваться. Она осталась стоять, когда я подошла к ней, и я увидела, что она тычет мордой в пучок подорожника.

— Подорожник? Ты серьёзно? — засмеялась я. — Я, конечно, в курсе, что он от всего помогает, но это же тебе не супрастин...

Но лиса упрямо тыкала в подорожник мордой, а потом, почти горестно вздохнув, сжевала лист и выплюнула себе под лапы.

— Ладно, ладно, я сдаюсь, — улыбнулась я. — Буду использовать всё, что в силах достать и что даёт мне природа.

Я сорвала все листья с близлежащих кустиков, уселась на сундук и, немного подумав, положила несколько в рот. На вкус листья оказались травянистыми и немного вяжущими, некоторые из них горчили. Я немного сморщилась, но всё равно разжевала их в кашицу, а потом, вытащив изо рта, размазала её по руке. Так, размалывая лекарственное растение самым древним способом, я облепила всю себя зелёной массой и мне неожиданно стало легче. Зуд утих, и солнце подсушило моё лекарство так, что оно надёжно держалось коркой на коже.

Рыжая спутница побежала дальше, а я поплелась за ней. Раз уж она увела меня с дороги, то куда идти дальше, я всё равно не знаю. А раз я умудрилась влипнуть в неприятности даже на дороге, то какая вообще разница, где я встречу их вновь? Моя суперспособность притягивать несчастья никуда не делась, и я просто доверилась судьбе. Раз я дожила до своих двадцати двух лет, значит, это кому-нибудь нужно?

К вечеру лиса вывела меня на лесную тропинку, и идти стало проще. Лес был светлый и полный воздуха — сосновые стволы перемежались с дубовыми листьями и ярко-жёлтыми кронами клёнов. Тропинка была широкая, и на ней то и дело попадались конские пахучие яблоки. Значит, тут ездят всадники. Это был хороший знак. Ну, и любая дорога куда-нибудь, да приведёт меня.

Но силы уже иссякали, и я приняла решение расположиться на ночлег. Уходить от тропинки было боязно, и мой мини-лагерь вырос прямо на обочине. Я опять угостила Рыжика, отдав ей кусочек мяса и четверть ломтя хлеба. Свой паёк я разделила на два, чтобы с утра было чем позавтракать.

Распаковав своё одеяло и подложив под голову сундучок, опрокинутый набок, я примостилась на самом краю тропы и почувствовала, как за спиной примостился тёплый лисий бок. Улыбнувшись про себя, я зевнула и незаметно провалилась в сон.

Мне снилось, что на небе зажигаются звёзды, одна за другой. И вдруг одна сорвалась с небосклона и со всей силы саданула мне в бедро. Раздались крики, ржание, испуганный вопль. Я заорала от боли, прикрывая руками пульсирующее место удара, и увидела над своей головой огромное копыто лошади. Откатившись вбок, скинула с себя одеяло и завопила на весь тёмный лес. Ну как так получается, что из всех вариантов развития событий я притягиваю самые дурные на свою голову?

— Не ори, дура, — услышала я над ухом и волосатая мужская ладонь плотно легла на мой рот. — А то отправишься на небо раньше, чем хотела.

Глава 3

Незнакомец отнял руку от моего рта и тихо выругался. Потом выразительно вытер её о штаны и я сообразила, что он смазал жёваную кашницу из подорожника с моего лица. Хихикнув, я вновь навлекла на себя его гнев.

— Я сказал, тихо! — сверкнул он злым взглядом.

— Кто здесь? — вдруг послышался невнятный шёпот.

Со страхом оглядевшись, я заметила, что к первому всаднику бесшумно присоединился второй. Почему так тихо?

Присмотревшись к лошадиным ногам, я поняла, что копыта замотаны тряпками. Ага, так они кого-то выслеживают? Или от кого-то скрываются?

— Если вы хотите быть незаметными, нужно смотреть, куда ведёте лошадь! — фыркнула я и деловито отряхнула то место, куда на меня наступило копыто. Наверняка синяк будет величиной с ладонь!

— Уймись, бестолочь, без тебя знаем! — раздражённо сказал тот, второй, который приехал позднее. — Что с ней делать будем?

— Что-что, грохнем да прикопаем, — раздался откуда-то третий голос. Я со страхом посмотрела вправо. Да у них тут целый отряд!

— Вы что, хотите, чтобы я потом являлась вам во снах до конца жизни? — я поразились их легкомысленности. Интересно, они тут в ведьм верят?

— Ты чья будешь? — спросил их главарь, который до этого молча наблюдал за перепалкой.

— Я... — стараясь сообразить, как лучше ответить, я замаялась. Какой тут правильный ответ? Мне надо ехать с ними или держаться подальше? — Меня зовут Джейн... Остин.

Несмотря на опасность ситуации, комичная улыбка тронула мои губы. Всегда мечтала носить имя любимой писательницы.

— Ты из южных Остинов, что ли? — дружелюбно спросил тот, что предложил меня прикопать. Одет он был хуже всех — на штанах я заметила штопаную заплатку, носы кожаных сапогов были сбиты, а потертая жилетка из замши была накинута на вязаный свитер с парой спущенных петель. А разбойнички-то небогатые.

— Я... я не помню. Меня нашли в море, среди обломков корабля. И я потеряла память. А потом обоз, с которым я ехала, оставил меня в лесу. Сказали, что у них нет припасов содержать ещё один рот, — я вдохновенно врала, но близко к правде.

— Слышь, Монро, это с того, что ли, корабля? Который эт самое? — прошептал оборванец с заплаткой.

Второй разбойник с буйной шевелюрой ответил:

— Других кораблей у нас тут не разбивалось, — он задумчиво почесал затылок и я разглядела у него на руке перстень с золотой печаткой. — Макнаггетс, что делать с ней будем?

Я прыснула, не успев вовремя остановиться. Макнаггетс? Это что-то про куриные кусочки в панировке? Лучше бы он был Макдоналдом, что ли!

Главарь зло посмотрел на меня, а потом спросил:

— Полы мыть умеешь?

Я кивнула.

— Поедешь с нами, мне нужна уборщица на кухне. Бри никак не подберёт подходящую, а Сибилла не успевает кашеварить, не то что убираться. А женщин в деревне итак не хватает, — и он хохотнул, многозначительно поглядев на остальных. Те заржали, а он продолжил:

— Предлагаю тебе кров, пропитание и новое платье раз в год. Платить буду по 30 элов в месяц. Скоро зима, без жилья не проживёшь, — и он многозначительно глянул на мою оголившуюся голову, с которой сполз платок.

— Рыжая, — пренебрежительно отозвался тот, что с печаткой на пальце. Монро? — Да ещё и страшная. Нам с такой бабы, как с козла молока.

— Заткнись, Монро, и погрузи её сундук сзади себя. Да привяжи крепче! Кто её тронет — будет иметь дело со мной! А ты, девица, не бойся. Давай руку!

Он подал крепкую ладонь, и я нерешительно ухватилась за неё, недоумевая, как он собирается меня затащить на лошадь? Но он мягко дёрнул, второй рукой подхватил меня за талию и через мгновение я оказалась перед ним, больно приземлившись на самую луку седла. Пока я ёрзала и перемещалась вперед, ближе к холке лошади, Монро привязывал мой сундук, сквозь зубы ругаясь на всяких рыжих проходимок.

Что удивительно, всё происходило практически в полной темноте. Когда отряд тронулся, я вздохнула и немного расслабилась. Моего Рыжика нигде не было видно. Наверняка сильно пахнувшие мужчины её спугнули, и лиса убежала далеко в лес. А я уже успела к ней привязаться.

Пока мы ехали, я спешно отколупывала от себя куски присохшего подорожника, чтобы при свете, когда люди меня разглядят, они не выгнали меня вон. Как ни старалась я скрыть дрожь, но за краткое время сна успела продрогнуть. Зима близко — в этом Макнаггетс точно был прав. Воображение тут же подкинуло золотистые кусочки из знаменитой едальни и я снова тихонько прыснула. Будет смешно, если он здесь какой-нибудь лорд.

Но тогда от кого они скрываются? Зачем заматывать копыта тряпкой? Или, наоборот, это они выслеживают кого-то?

Убаюканная этими мыслями, я пару раз просыпалась от того, что голова сонно падала на грудь. Выпрямляя спину и не решаясь облокотиться на своего спутника, я крепче хваталась за гриву коня, отчего тот недовольно махал головой и прядал ушами. Но больше держаться мне было не за что.

Меня разбудил звук рожка, который разнёсся высоко над нами. Открыв глаза, я обнаружила, что уютно устроилась на груди у Макнаггетса, между его рук, мягко держащих поводья. Тут было тепло, и голову удобно уложила ему на левое плечо.

Резко дёрнувшись, я выпрямила спину и, по ощущениям, залилась краской от ушей до кончиков волос.

Услышав, как он где-то сверху и сзади ухмыльнулся, я почувствовала себя неловко. Но деваться некуда, и я начала рассматривать открывшееся пространство. Солнце только начало подниматься над горизонтом, а впереди перед нами расстилалась дорога, которая вела на вершину холма. Оттуда, из-за крон деревьев, покрытых золотом и багрянцем, выглядывали зубчатые стены замка, сложенного из серовато-бежевого камня. Его цвет сливался с цветом жухлой травы на пустоши и, если бы не островок деревьев вокруг, сливался бы с пейзажем.

Я во все глаза глядела на замок. Это там я буду жить? В средневековом замке? Боже мой, неужели так бывает?

Я так мечтала путешествовать! Читая книги про средневековую Англию, Ирландию, Шотландию, я слишком хорошо представляла себе мрачные сырые переходы, коварные лестницы, стены, увешанные портретами. Мечтала посетить гостиницы, устроенные в старинных домах, и почувствовать себя принцессой, заточённой среди каменных стен. И вот мечты начинают сбываться!

Я подобралась, провела рукой по волосам и накинула платок, чтобы прикрыть цвет своих волос и спрятать голову от пронизывающего ветра. Обманчивые солнечные лучи золотили землю, но не грели совершенно. Вокруг пустоши темнели леса и уходили до самого горизонта.

Вскоре мы по небольшому деревянному мостику, перекинутому сквозь ров, въехали в замок, и доски за нами сразу же поднялись с помощью ржавой скрипучей цепи. Внутренний дворик у замка оказался выложен булыжником, и на нем тоже то и дело оскальзывались лошади. Никогда не понимала, зачем мостить галькой землю. Людям тоже ходить на выпуклых камнях неудобно. Зато, кстати, грязи действительно не было - двор был пуст и чист.

Монро спешился первым, передал поводья подбежавшему заспанному пареньку и подошёл к нам. Протянув руки, снял меня с лошади и поставил на ноги, разглядывая лицо.

— А ты всегда такая рябая, или просто грязная? — с любопытством спросил он и ухмыльнулся.

Я закатила глаза и отвернулась, уткнувшись носом в грудь Макнаггетса, близко подошедшего сзади.

— Отвали, Монро. Сказал же, в моём замке никого не трогать. Девушка нужна мне на хозяйстве!

Третий разбойник, с заплатой и потёртыми сапогами, подошёл следом.

— Пойдёмте, я провожу тебя на кухню, рыжуля, — добродушно пробасил он, и я увидела, что он старше их всех. Ему уже явно было за пятьдесят, виски были серебристыми, а остальные тёмные пока ещё волосы были собраны в пучок на затылке.

Он ловко подхватил мой сундук, я подобрала узелок с меховым одеялом и поплелась следом. Оглядывая замок снизу вверх, я поражалась его высоте. Каменные стены упирались в небо, и от них веяло холодом. Как протопить такую махину тёмными зимними вечерами?

Мы прошагали внутрь, и я неожиданно попала в светлое помещение. Окна от пола до потолка освещали всю залу, но снаружи виднелись деревянные ставни, которые запирали их на ночь или, наверное, в особенно холодные дни. На стенах и потолке висели канделябры с множеством свечей, а друг напротив друга — два камина. Сейчас в них ещё с ночи тлели угольки, а новые поленья лежали рядом, в специальной металлической подставке.

Пол был выстлан деревянными досками и мягко поскрипывал под ногами. Внутри пахло нормальным жилым домом. Я ожидала сырости, затхлости и пыли, особенно учитывая, что у замка нет прислуги для уборки. Но здесь было миленько и уютно. Я разглядела какой-то музыкальный инструмент под вышитой салфеточкой — клавесин? кларнет? — нет, я решительно в них не разбиралась. Рядом стоял нарядный сервант с тонкой посудой под стеклом, письменный стол у окна. Всё красивое, с резьбой и завитушками. У главной стены, с которой свисал гигантский гобелен, стоял огромный стол буквой «Т». Очевидно, здесь проходили общие трапезы.

Быстро миновав зал, мы через короткий, но тёмный коридор пришли в просторную кухню. Три арочных окна освещали длинные рабочие поверхности, тянущиеся вдоль трёх стен. Массивные деревянные столы, над ними — три ряда полок с медной посудой. Донышки у них сверкали, отражая свет, падающий из окон.

В центре четвертой стены располагался гигантский очаг. По сути это был огромный камин, в стены которого была вделана металлическая штанга, на которую вешались котлы. Огонь под одним из них уже весело горел, потрескивая и разнося на всю комнату лёгкий дымный аромат.

Над камином выделялась огромная каменная вытяжка, а по бокам от него стояли две деревянные плиты с металлическими дверцами. Сверху, на толстом листе железа, покоились съёмные кольца, как в старых деревенских печах, и стоял огромный пузатый чайник. Вполне себе обычный чайник, как и у меня дома.

Я так обрадовалась, что рванулась к нему и протянула руки, чтобы потрогать.

— Куда?! Обожгёшься, — услышала я недовольный окрик. Обернувшись на звук, увидела полную женщину (что у них тут все полные-то?) с убранными под белоснежный платок волосами. На ней был серый фартук и полотенце, свисающее с плеча. Типичная кухарка.

— Сибилла, это твоя новая уборщица. Повелевай, как хочешь, Роберт сказал поселить тут.

Сказал и грохнул об пол мой сундучок. Господи, только бы там не было хрусталя или фарфора!

— Всё, дальше сама носи своё барахло, — добродушно улыбнулся он, обнажив два отсутствующих зуба. — Моя служба тута кончилась. Это теперь её территория.

Сибилла во все глаза смотрела на меня, а я не смела двинуться. Внезапно осознав, как я выгляжу, я затараторила:

— Рада познакомиться! Я — Джейн Остин! — и я бодро протянула руку. Сибилла не сдвинулась с места, продолжая брезгливо осматривать мою фигуру. Я решила брать напором:

— А где тут можно помыться? Больно грязная я, чтоб на кухне находиться.

Лёгкая улыбка тронула её серьёзное лицо, и она кивнула:

— Да, пойдём, проведу тебя в мыльню. Только холодно там, захвати с собой чайник и чего переодеться.

— У меня нет другой одежды, — растерянно проговорила я и тут вспомнила наш уговор с хозяином. — Мне обещали одно платье в год в качестве оплаты!

Умоляюще глядя на кухарку, я сложила руки в молитвенном жесте.

— Это не ко мне, это к госпоже Бри, — вздохнула она. — Пойду позову её.

Как только Сибилла ушла, я поспешно запинала свой сундук под разделочный стол, чтобы не мозолил глаза. Позже оттащу в свой угол, если его мне тут выделят.

Сибилла, тяжело ступая, снова появилась в кухне, а за ней спешила высокая изящная женщина с высокой причёской. Её чёрные блестящие волосы были заплетены в косы и уложены в форме короны на голове. Чёрные брови ярко выделялись на бледном лице, но само оно имело такие аристократически-правильные черты, что их хотелось рассматривать бесконечно.

Госпожа Бри оказалась настоящей красавицей. Её царственная осанка и длинное, со вкусом пошитое платье цвета красного вина подчёркивали тонкую талию и небольшую, но красивой формы грудь. В ложбинке открытого декольте виднелся продолговатый кулон из золота. Он был идеальной длины и притягивал взгляд к достоинствам своей госпожи.

Мимика у красавицы была под стать её статусу. Медленно взмахнув длинными чёрными ресницами, она обратила взор своих голубых глаз на меня и промолвила:

— Как тебя зовут? — ни один мускул не дрогнул на её лице, будто она только что вышла из кабинета косметолога, который вколол ей несколько миллилитров ботокса.

— Джейн Остин, — преувеличенно громко ответила я. Всегда робела перед классическими красавицами. А эта, похоже, ещё и сказочная.

— Хозяин что-то сказал про то, куда тебя поселить? — без лишних эмоций спросила она, оглядывая меня с ног до головы из-под полуприкрытых век.

— Нет, но велел меня устроить получше, — легкомысленно сболтнула я. — Сказал, что в замке не хватает женщин и я буду убирать на кухне, помогая кухарке.

Госпожа Бри приподняла одну бровь, а повернулась ко мне спиной и бросила через плечо:

— Тогда следуй за мной, я покажу тебе твою комнату, — и выплыла из кухни, оставив за собой шлейф цветочных духов. Жасмин? Да, это, определённо, был жасмин.

Я потопала за ней, попутно оглядывая замок. Голые камни, деревянные полы, железные скобы для факелов. Да, электричеством тут у них и не пахнет. Либо его тут нет, либо в этой глуши его ещё не провели.

Почти сразу за кухней обнаружили две каморки.

— Вот здесь — кладовая, — неожиданно энергичным голосом сказала царственная Бри. — А слева от неё — твоя комнатка.

Она распахнула дверь и моему взору предстала клетушка размером с ванную комнату в хрущёвке, с одним окном, деревянной кроватью, стулом и столиком, на котором стояла оди-

нокая, покрытая пылью и заплывшим воском свеча. Ещё это жилище походило на одиночную камеру в Петропавловской крепости.

— Не перепутай, и в кладовую не лезь, — повелительно сказала она. — Я дам Сибилле платье для тебя, и ты отмоешь с себя всю эту грязь.

Фарфоровое личико госпожи исказила мимолётная гримаска презрения, но потом кожа разгладилась и она вежливо проговорила:

— Добро пожаловать в замок Форс, — коротко кивнув головой, она уплыла куда-то дальше по коридору, а я осталась стоять у раскрытой двери, робея сделать шаг и поселиться в этой камерке.

Но, вздохнув, я решила, что это лучше, чем ночевать на лесной тропе. А бабушка всегда говорила, что в жизни хорошо всегда быть поближе к кухне — там я всегда буду сытой.

Я зашла в комнату, выглянула из окошка — внизу простиралась пропасть, на дне которой плескалась вода. Ров! Надо же, действительно, Средневековые дремучее.

Взглянув на меховое одеяло, которому вчера досталось, я сбросила его в углу комнаты, пообещав себе, что как только у меня появится свободное время, я его хорошенько вычищу и высушу. Но сейчас ванна требовалась мне самой.

Когда в комнату заглянула Сибилла с чайником в руках, я уже скинула на спинку кровати платок и плед, оставшись в одной блузке, юбке и джинсах под ними. Женщина сделала знак следовать за ней и я подчинилась.

Она привела меня в комнату, которая находилась сразу за кухней. В ней на деревянном полу стояли плоски для мытья, а вода уходила в дырку в самом углу. На крючках висели полотенца из грубой ткани, а сама комната была холодной, как лёд.

Сибилла, оглядев всё это грустным взглядом, пробормотала:

— Обычно тут не так холодно, — и поёжилась. Как здесь мыться, я и сама не представляла. — Ладно, пойдём в господскую купальню, только никому не проболтайся.

И она повела меня узкой лестницей, выдолбленной в толстой стене, наверх. Молча топя по ступенькам, я гадала, что это значит — господская купальня?

Но открывшаяся картина поразила меня до глубины души. Распахнув дверь в тесную комнату, Сибилла отпрянула. Оттуда вырвался пар, и я невольно сравнила комнату с хамамом. Внутри было тепло и влажно.

— Сперва смоешь с себя грязь, а потом можешь отогреться в купальне, — кивнула она вниз. Я опустила голову и увидела небольшой бассейн, наполненный горячей водой, откуда поднимался пар. Так вот он, источник тепла! Выложенный маленькими плиточками, бассейн был размером с длинный обеденный стол. Там вполне можно было растянуться и погреть все свои косточки. Я благодарно кивнула и забрала у леди Бри чайник.

— Спасибо! — пылко сказала я. — Я тихо, как мышка!

И скользнула во влажные клубы пара, предчувствуя отдых и тепло.

Глава 4

Я очень тщательно тёрла тело кусачей мочалкой, которая оставляла на бледной коже красные следы. Но моя бабушка всегда говорила — чем жёстче мочалка, тем нежнее кожа. Потом долго вспенивала мыло, промывая волосы. Мне казалось, что они всё ещё пахнут водорослями, и я снова ополаскивала их, а потом заново мыла кудряшки целых четыре раза. От удовольствия ещё и мурлыкала что-то себе под нос.

Сама душевая зона оказалась оборудованной большим баком сверху, куда, наверное, по трубам подавалась вода из горячего источника. В баке была тонкая лейка, которая давала хорошую струю воды. И я, как кошка, подставляла под эту струю то бок, то спину, то голову.

От бассейна с парящей и чуть папахивающей сероводородом водой «душ» отделялся крепкой деревянной перегородкой. Толстое дерево, за десятки лет вобравшее в себя и мыльную пену, и постоянную влагу, выглядело распаренным и издавало прелый запах, как в общественных банях.

Когда я закрыла металлический вентиль, перекрыв воду над головой, и завернулась в чистый кусок ткани, выданный госпожой Бри, дверь в купальню внезапно хлопнула. Я прижалась к стене и затаила дыхание. Мокрые волосы неприятно облепили плечи, а я сама обратилась в слух.

Послышалась возня и громкий «плюх!». Потом фыркание и блаженный возглас, говорящий о том, что кто-то большой занял моё место в бассейне.

— А что, Монро, слышно про тот корабль, который разбился у западных берегов?

Я практически вжалась в стену, услышав голос Макнагетса. Но Монро не спешил отвечать, отфыркивался, а потом прочищал нос.

— Люди болтают, что видели огненную звезду в небе, которая упала в море. А потом нашли корабль. Он вёз богатый груз — зерно, шёлк, пряности. Всё утонуло в пучине... Кто-то, видимо, понёс знатные убытки...

Я осторожно выглянула из-за перегородки, пытаюсь оценить, насколько безопасно могу выскользнуть из купальни, и смогу ли остаться незамеченной. Воздух был наполнен водяным паром, но недостаточно, чтобы полностью скрыть меня от мужских глаз. Их-то я прекрасно видела!

Внезапно мой желудок предательски забурчал, и я резко отпрянула назад, поскользнувшись на мокрой каменной плитке. Вскрикнув, приземлилась на пятую точку и со страхом увидела, как через мгновение голый Макнагетс с удивлением заглядывает за перегородку.

— Ты что здесь делаешь, рыжая?

Я, сжавшись в комок и схватив свои вещи, выставила их перед собой и пробормотала:

— Я тут купалась...

На что хозяин замка оглушительно заржал и повернулся в сторону друга:

— Слышь, Монро, у нас лазутчица! Подслушивает!

Я, оглядывая стройное мускулистое тело главаря замковой шайки, бочком попыталась проползти между ним и перегородкой, чтобы выскользнуть из помещения, но он схватил меня за предплечье и приблизил мокрое лицо:

— А ну брысь отсюда!

И я припустила, подгоняемая громогласным хохотом двух голых мужчин.

Забежав в свою комнату, которую нашла только со второй попытки, закрыла дверь и отдышалась. На кровати лежало белье, корсет, платье, чулки, на полу — лёгкие кожаные башмаки на тонкой подошве.

Вытеревшись чем придётся, я начала лихорадочно одеваться, дрожа от холода. Неужели у них тут не топят?

Напялив грубую рубашку, взяла в руки корсет и оглядела его. Мда. Видела такую штуку в фильмах и примерно знаю, что с ней делать. Только вот шнуровка должна быть спереди или сзади?

Повертев корсет и так, и эдак, наконец повернула его задом наперед и, придерживая локтями, осторожно зашнуровала. Я итак была худосочной, незачем мне затягивать талию в эту пыточную машинку. Поэтому зашнуровала легко и немного порадовалась тому, как неожиданно приподнялась моя небольшая грудь над вырезом рубашки. Хм, а теперь я уже не так и против корсета!

Простое серое платье доходило до лодыжек. Чулки сползали и лежали над башмаками гармошкой со складками, а платок, который мне выдали, я свернула полоской и завязала на голове повязкой, задорно выпустив концы сверху, как у Солохи. Волосы распустила, чтобы скорее высохли, и они легли тугими завитками у лица и на плечи, холодя кожу сквозь платье.

Голодный желудок вёл снова на кухню. Теперь уже запах был безошибочным ориентиром, и я пришла как раз в тот момент, когда Сибилла помешивала что-то в большом котле, висевшем в очаге. На столе появился большой противень, накрытый чистым полотенцем с соблазнительными выпуклостями. Пахло выпечкой и рыбной похлёбкой.

Я остановилась в дверях, наблюдая, как дюжий молодец таскает дрова и складывает в поленницу у плиты. Тоже рыжий. Встретившись с ним взглядом, я улыбнулась.

— Здорово, красавица! — пробасил он и тоже улыбнулся, обнажив во рту выбитый зуб. Кто это его так? Здоровый же детина!

— Привет! — радостно проговорила я и ослепительно улыбнулась ему в ответ. — Я Джейн!

— Я Рыжий Хэл! — пробасил он, и я приснула.

— Что рыжий, это я итак вижу!

Чуть ли не вприпрыжку я подскочила к столу и приподняла полотенце на противне.

— Ско-оны? — протянула удивлённо, оглянувшись на Сибиллу.

— Где твои манеры? — прикрикнула она на меня, и я ойкнула. — Волосами тут размахалась, смотри-ка!

Я сделала виноватое лицо, но долго его не удержала. Сибилла смягчилась и примирительно спросила:

— Голодная?

— Барана готова загрызть! — со страстью в голосе пробормотала я, гипнотизируя сконы.

— Только начинать нужно не с этого! — строго сдвинула брови Сибилла и убрала поднос на другой стол. Загородив его спиной, она проделала какие-то манипуляции, и прикрыла выпечку рукой.

Мой желудок забурчал сильнее, и я тоже запротестовала. Сибилла, обернувшись, указала мне рукой на деревянный табурет, который я придвинула к столу и села. Передо мной появилась миска серой каши и кусок хлеба. Следом у правой руки легла оловянная ложка, и я схватила ее с быстротой молнии.

Погрузила в кашу, и та с неприятным чавканьем вошла в склизкую массу. Зачерпнула ложкой неаппетитный кусок и положила в рот. Вкусовые сосочки сжались — овсянка оказалась соленой и сваренной на воде. Мама всегда говорила, что самая здоровая каша — на воде и без сахара. Но я никогда с ней не соглашалась.

— Сибилла, а можно мне... сахара и орешков? Или изюма? — с надеждой проговорила я и устала в усталое лицо кухарки.

Серые брови Сибиллы удивленно поползли вверх и сложились в неодобрительную гримасу.

— Так сахара нет. А мёд — он только для господ, — с таким видом, будто разговаривает со слабоумной, пояснила она.

— Как нет сахара? — мое изумление было неподдельным. — Кончился?

— Так и не купишь его — запрещено это. Да и ни к чему, больно дорогой и бесполезный. Господин Роб говорит, что это все баловство и от лукавого. Ешь давай скорее, да за тряпку! У меня тут давно большой уборки не было! — прикрикнула Сибилла.

Я молча проглотила ложку безвкусовой овсянки и подумала, что и вместо соли они наверняка добавляют в еду свои слезы. Чтобы не тратиться вовсе...

Сконы так и остались лежать нетронутыми, потому что кому охота есть жесткие приплюснутые булки без грамма сахара?

Кашу я запила кисловатым отваром шиповника, и, вздохнув, объявила, что готова приступить к своим обязанностям.

Сибилла, выдав мне овальную щётку с крупной щетиной, железное ведро для воды и большую тряпку, велела начать с рабочих поверхностей и плиты.

— Вот тут надо оттереть нагар, жир и копоть. Как закончишь здесь — примемся за пол.

Суховатый палец указал мне на имеющиеся загрязнения, и я пришла в ужас. Осторожно потрогала жир пальцем — да он ничем не отмоется! Такую грязь только скоблить!

Живо вспомнилось школьное прошлое. В шестом классе на уроке трудов нам попалась очень строгая учительница. Аккуратистка, педантка, она считала своим долгом не просто научить нас шить, вязать и готовить, но и привить опрятность и любовь к порядку.

Самые скромные и аккуратные ученицы, которые до этого ничем примечательным не выделялись, сразу сделались эталоном класса. И почерк у них был прекрасный, и писали они в тетради цветными ручками, и их стежки на ткани были самыми правильными.

Я, как творческий человек, ненавидела скучный порядок. Мне всегда он казался ненужным ограничением в моей жизни. Все, что ни происходило, делалось в потоке: уроки, уборка, помощь маме. Особенно творческим был порядок в шкафу: стоило только открыть крепкие дверцы, как на голову вываливались колготки или новый свитер. Зато я умела молниеносно наводить порядок в комнате — главное, чтобы весь хлам поместился в шкаф и его дверцы не подвели.

И тут на мою голову свалилась эта Жозефина Леонидовна. С нервно сжатыми губами она перелистывала мои тетради с кляксами и рисунками на полях. Двумя пальцами, словно противное насекомое, поднимала лоскуток с кривыми швами над классом и вопрошала, как такое можно вышить, будучи в здравом уме и твердой памяти?

Мой фартук оказался на ладонь короче, чем задумывалось. Юбку я шила дома с помощью мамы, и только это спасло меня от тройки по «трудам». Но вот «неряшливый стол», «неопрятные руки с обкусанными ногтями» и «кривые стежки» постоянно наказывались по особой методе Жозефины Леонидовны.

В самом конце ряда, на задних партах, сидели такие же, как я, неудачницы. Им она вручала школьные сковородки с многолетним слоем нагара на внешних стенках и острый скребок из обычной бритвы. Переломив прямоугольное тонкое лезвие пополам, она раздавала его части провинившимся девочкам и требовала этим счищать нагар.

Неровная часть лезвия впивалась в кожу, тяжелая сковородка выскальзывала из рук, и к концу урока натертые подушечки пальцев были ярко-красными. За сорок минут удавалось отскоблить лезвием площадь, равную примерно двум спичечным коробкам. Зато тогда я узнала, что при выходе с завода сковороды были серебристыми, а черными они стали после многолетнего использования.

И вот сейчас Жозефина Леонидовна ехидно улыбнулась мне из-за плиты и в голове прозвучали едкие слова: «Тем, кто не умеет быть аккуратным, в жизни точно пригодится умение скоблить сковородки».

— А чем все это оттирать? — обреченно спросила я у Сибиллы.

— Как чем? Вот мыло, вот песочек. Вот тебе острый скребок — смотри, не поранься. Ах да, и вот передник — чтобы платью не запачкать. Другого-то у тебя нет!

С тяжелым сердцем я взяла в руки выданный инвентарь и разложила на столе.

— Плита будет нужна мне через два часа! Поэтому начни с нее и поторапливайся!

Да уж, мой хлеб будет доставаться куда тяжелее, чем я рассчитывала.

Вооружившись скребком, я залезла на столешницу и изо всех сил принялась отскребать противный коричневый жир, который намертво въелся в гладкую железную поверхность.

Откровенно говоря, уборку я никогда не любила. Эта тяжкая обязанность всегда тяготила, и спасала меня либо музыка, либо сериал на фоне. Отключив мозг, я еще могла художественно помыть квартиру или рабочее место в кондитерской. Но что делать сейчас? Было совершенно невыносимо скрести загаженную плиту и не занять свой ум хоть чем-то.

Сибилла чистила овощи. Глядя на огромную гору картофеля, капусты, моркови, свеклы и тыквы, я недоумевала. Неужели на весь замок готовит одна она? И как только успевает?

В другом углу Рыжий Хэл разделявал половину туши оленя. Ловко орудуя ножом, он молча кидал крупные куски мяса в большой медный таз, а кости с обрезками — в другой. Требуха шла сразу в котел. Здесь ничего не пропадало.

Кроме звуков, издаваемых нашими руками, ничего не было слышно. Никто не болтал, не переругивался, не пел. В кондитерской Наталья Ивановна всегда включала радио и временами я даже желала, чтобы оно сломалось — настолько старомодная музыка оттуда звучала. Но в этот раз я бы все отдала за то, чтобы включить здесь портативную колонку и занять чем-то свою голову.

Спустя час я отскоблила поверхность плиты и принялась за железную вытяжку. Это была самая нелюбимая работа — сразу над плитой на жирном нагаре налипли волосинки, пыль, чья-то шерсть. Брезгливость боролась во мне с усердием, и вторым моим пожеланием Деду Морозу стала бы пара прочных резиновых перчаток. Но нет, волшебники в такую даль явно не заглядывают. Да и до Нового года еще месяца три.

Только сейчас я поняла, что разумнее было бы начать с вытяжки — потому что чистая плита оказалась вновь под слоем грязных хлопьев и песка. Изогнувшись скрипичным ключом, я почти залезла в железное нутро агрегата, схватилась за его ободок и подтянулась ещё выше, чтобы очистить всю внутреннюю поверхность вплоть до кирпичей.

Но железная бандурина не выдержала моего веса и с громким грохотом, который слышали все обитатели замка, обвалилась. А вместе с ней и я — целую вечность падала вниз — а когда приземлилась, то поняла, что, кажется, сломала спину.

Из груди вышибло дух, и я никак не могла вздохнуть. Как рыба, хватала ртом воздух мелкими глотками, но он не доходил до легких. Но у моих коллег, кажется, нашлось дело поинтереснее, чем проверять, жива я или нет.

Все столпились около огромной железки и кучи песка, которая вывалилась вместе с ней. Когда я застонала и попробовала встать, то никто даже не обратил на меня внимание. Тогда я осторожно перевернулась набок, потом встала на четвереньки и внутренне порадовалась: значит, спина цела!

Кое-как подползла к месту трагедии и увидела, что в руках у Роба Макнагетса, хозяина замка, нелепо торчит небольшой мешочек с ярко вышитой эмблемой. Сложное переплетение красных, зеленых и розовых нитей нарядно смотрелось на фоне потертого изумрудного бархата. Когда Роб пошевелил рукой, в мешочке что-то приглушенно звякнуло, и он, порвав от нетерпения завязки, высыпал на руку горсть драгоценных камней, сережек, браслетов и несколько цепей с кулонами. Драгоценности!

Сибилла схватилась за сердце, кто-то ахнул, а Рыжий Хэл загородил лорда ото всех любопытных и ловко вытеснил с кухни. Вся толпа отправилась вслед за ними, перешептываясь и крестясь. Обо мне все забыли.

С трудом поднявшись, я подошла к плите и тут заметила, что красивый бархатный мешочек с неизвестным символом и порванными завязками так и остался лежать на столе. Недолго думая, я схватила его и засунула за пазуху. Позже рассмотрю поподробнее — не пропадать же добру?

Весь следующий час я убирала последствия своего падения, одновременно выслушивая нотации Сибиллы о «некоторых девушках, у которых руки вставлены в тело не тем концом». Я мечтала о радио — и вот оно включилось на очень знакомой волне «ты ничего не умеешь и от тебя всегда одни неприятности».

Ужин прошел в тишине: овощное рагу с олениной получилось густым и хорошо приготовленным, но немного пресным. На мой вкус не хватало соли и душистых трав. Но я благо- разумно помалкивала и быстро работала ложкой, чтобы поскорее пойти отдыхать. Маленькая каморка у кладовой манила теперь своим уединением и возможностью вытянуть ноги и разгрузить уставшую спину.

Сразу после ужина я помыла посуду в нагретой на огне воде, намыливая грубую тряпочку. Олений жир отмывался плохо, и, в конце концов, сжалившись, Сибилла выдала мне горчичный порошок, которым я надраила котел и столовые приборы. Потом подмела полы на кухне и самая последняя пошла спать.

Жесткая кровать приняла мое уставшее тело, и я даже застонала от облегчения. Поясница ныла, ноги гудели, а натруженные руки никак не могли расслабиться. На ум пришли мои вечера дома: теплое какао с маршмеллоу и любимый сериал, а иногда и горячая ванна с пеной, если время позволяло. Где это всё? Неужели я теперь до конца жизни буду драить чужую кухню и состарюсь бок о бок с ворчащей Сибиллой?

Дома, когда от напряжения, скопившегося за день, долго не могла уснуть, я вставала и шла на кухню за чем-нибудь вкусненьким. Сладким. Печенькой или сдобой, которую директриса разрешала забрать с собой, если выпечку никто не покупал. Такого добра у меня всегда был полный холодильник. И чем дольше я думала о сладком, тем сильнее мне хотелось ощутить на языке пряный вкус шелковистого шоколада. Чтобы гладкая долька таяла, обволакивая рот растекающейся сладостью и посылая в мозг сигналы удовольствия. Ммм...

Не утерпев, я вскочила с кровати и задумалась. Сибилла проговорила, что сахара у них нет, потому что он дорогой. Но что-то же сладкое они едят? Невозможно же жить без сладкого! Мне бы сейчас сгодился даже любой сухофрукт — долька яблока или сушеного абрикоса... Да хоть одна изюминка! Просто положить на язык, разжевать, ощутить во рту привычную успокаивающую сладость.

Я осторожно поднялась, прокралась к двери и выскользнула в коридор. Рядом с моей комнатой была кладовая — и я тихо, как мышка, прошмыгнула в незапертую дверь. Кстати, почему они не запирают кладовку?

Внутри было темно, хоть глаз выколи. Постояв несколько минут, я подождала, когда глаза привыкнут к темноте. Но видимость лучше не стала — и я стала вытянутыми руками ощупывать хранившиеся тут припасы. Пришлось призвать на помощь все свои дедуктивные способности, прежде чем я сообразила, что мешки с чем-то колючим внизу — это овсянка. Тут же были ящики с чем-то землистым — так пахла свекла и морковь. Сверху на полках стояли какие-то банки и плотно закрытые горшки. Подняв руки вверх и начав шарить по верхним полкам, я поняла, что сначала надо было сходить на разведку днем.

Проводя пальцами по шершавым бокам глиняных кувшинов и горшков, я ощутила на пальцах что-то липкое. Поднесла к губам, лизнула подушечку — вот оно! Мед!

Я чуть не запрыгала от радости. Осторожно достав липкий горшочек, я поднесла ее к носу и с наслаждением вдохнула сладкий приторный запах. Блаженство!

Торопливо стянув тканевую крышку с веревкой, я погрузила палец в самую середину посуды и зачерпнула мёд рукой. Открыла рот, засунув в него палец по самое основание, и ощутив на языке вожаденную сладость, даже застонала от удовольствия.

В такой позе меня и застали, ярко светанув лампой по глазам.

Глава 5

Липкий стыд затопил моё тело от пяток до макушки. Меня застали прямо на месте преступления! О том, что я совершила именно его, было ясно по глазам разгневанной Бри, которая светила мне в лицо ярким факелом и задыхалась от ярости.

Спустя мгновение она уже взяла себя в руки и на бледном лице Белоснежки исчезли какие-либо эмоции.

— Вон отсюда! - проговорила она и красноречиво махнула головой.

Я медленно вытащила палец изо рта, и потом, как и была, в обнимку с горшком, вышла из кладовой. Внутри зрело возмущение, и я уже знала, что буду защищаться нападением.

На шум выползли все знакомые мне обитатели замка. Господин Роб в камзоле — будто бы и не ложился. Монро с голым торсом и наспех натянутых штанах. Сибилла в ночном чепце и с растрепанными седыми волосами. Сама же Бри была в шелковом халате и с распущенными черными волосами, блестящей волной закрывающими плечи. Кто она здесь? Слишком красива для экономки, слишком стара для жены хозяина.

Щурясь на свет факела, я стояла одна напротив них и молчала. Эту беседу уж точно начну не я.

— Как ты посмела залезть в кладовую и украсть мёд? - холодно проговорила Бри, и я удивилась её самообладанию. Настоящая Снежная королева.

— Я ничего не крада! Я только хотела найти чего-нибудь сладкого, - честно ответила я и мысленно пообещала себе, что эту банку с мёдом я отдам только через свой труп.

— Зачем тебе мёд? - продолжила допрос замороженная красавица.

— Захотела сладкого, - с вызовом ответила я и тряхнула волосами.

— Госпожа Бри, - отмер, наконец, Роб. — Позвольте, я сам.

Хозяин замка, кажется, вспомнил о своих обязанностях и сделал мне знак следовать за ним. В обнимку с горшком мёда я пошла за ним на второй этаж по каменной винтовой лестнице и радовалась, что он увёл меня с этой позорной линейки.

Он распахнул дверь в кабинет и пригласил войти. Я тут же поняла, что именно здесь Роб и коротал этот вечер. Огонь в камине ярко горел, освещая пустую комнату. Посредине стоял внушительный дубовый стол, сильно потёртое кресло, стены уныло демонстрировали полупустые полки. Обстановка комнаты сильно контрастировала с одеждой самого хозяина. Было ощущение, что кабинет готовили к ремонту и просто освободили от всего лишнего. Не было ни штор, ни ковра на холодных каменных плитах. На единственном в комнате столе покоилась книга, стеклянная чернильница с пером, стопка бумаги. На одном из листов горкой высились драгоценности, найденные на кухне после моего падения.

Окинув быстрым взглядом всю эту бедную обстановку, я отошла к окну. Вставать перед столом навтыжку не хотелось. Я чувствовала пряный запах мёда, щекотавший ноздри, и до боли в скулах захотела вновь ощутить на языке пьянящую сладость. Но благоразумно воздержалась от того, чтобы тайком хотя бы разок лизнуть содержимое горшка.

Сзади послышался усталый вздох, и я поняла, что хозяин замка уселся в свое потёртое кресло.

— Ну и что ты скажешь в своё оправдание, Джейн? - равнодушно произнес он. Мне показалось, что ему глубоко наплевать на всё, и только обязанности лорда побуждают его заниматься моей персоной.

— У вас на кухне нет ничего сладкого! Как вы живете!?! - запальчиво начала я, помня, что лучшая защита - это нападение.

— Обыкновенно. Летом едим ягоды и яблоки, зимой живем так. Мёд у нас хранится не для еды, а для лечения. - Роб говорил монотонным голосом и мне казалось, что он сейчас заснёт.

— А почему вы не едите сладкого? Где у вас сахар? Какими десертами вы завершаете трапезу? - продолжила я допрос. Мне было непонятно - он так равнодушен, потому что не собирается меня наказывать, или потому что мне совершенно точно пришел конец?

При слове “десерт” темные брови Роба приподнялись, и впервые с момента нашего знакомства я увидела в глазах хоть какой-то интерес.

— Десертами у нас балуются только при королевском дворе, - то ли мечтательно, то ли неодобрительно произнёс он. - А здесь все привыкли жить так, как жили их предки. Сладкое - не самое главное в жизни. Главное - это крыша над головой, безопасность, дрова зимой и еда на столе. Всё остальное - просто баловство. Да никто из здешних никогда и слыхом не слыхивал про какие-то там десерты!

Я была поражена. Неужели так можно жить? Как переживать хмурый ноябрь без булочек с корицей и пряного какао? Как встречать Новый год без имбирных пряников с разноцветной глазурью? Как пережить неудачу, плохое настроение и просто дождливый день без сахарного печенья, которое и делать-то всего десять минут?

— А сахар? Почему у вас нет самого простого, обычного сахара? - продолжила я допытывать Роба. Он сейчас выглядел не просто усталым - это было лицо бесконечно отчаявшегося человека. У нас такое состояние называется “выгоранием” и лечится у психотерапевта. А Робу, на мой взгляд, еще не было и тридцати лет.

— Ты откуда взялась такая странная, Джейн? Задаёшь вопросы, ответы на которые знает любой житель Эла, - он испытующе глядел на меня, а отблески тлеющего пламени от камина ложились на его лицо странными тенями. Он был таким красивым и одновременно беззащитным, что захотелось прижаться к его груди и остаться там навсегда.

— Я не помню, - искренне сказала я. - Но я точно знаю, что моя прежняя жизнь была наполнена разными вкусами - и сладким в том числе. И сахара в той моей жизни было в избытке!

Произнося эту фразу, я почувствовала, что буквально захлебываюсь слюной. В моем мире с сахаром даже начали бороться - так велико было его негативное влияние на здоровье целых народов.

— Неужели нет никакой возможности добыть сахар и готовить вкусные десерты? - в сердцах воскликнула я. До сих пор не понимаю, как они тут выживают!

— У нас денег нет сахар. К тому же, после войны с заморской Индаией они перестали торговать с Элом. А сахар добывают именно они. Поэтому всё, что привозят контрабандисты, идёт на королевский стол.

Я понуро свесила голову. Нет денег - это мне понятно. Об эту бетонную стену разбивались многие и мои мечты.

— Ну а мёд? Разве его мало у вас? Почему вы его используете только как лекарство? - недоверчиво покосилась я на горшок, в центре которого зияла неглубокая ямка от моего пальца. Хотелось ещё раз облизать палец, но воспитание не позволило.

— Это вопрос не ко мне, а к леди Бри. Она заведует хозяйством и всем здесь командует, - равнодушно ответил Роб. - От тебя требуется помогать Сибилле и хорошо выполнять свои обязанности. Не скрою, что женской прислуги в замке не хватает, и желающих не так уж и много. Поэтому на этот раз я тебя прощаю и просто предупреждаю: воровок в замке не потерплю!

Я обреченно кивнула. Потом подумала, что раз уж я здесь, надо идти до конца:

— Можно я оставлю этот горшок с мёдом себе? Обещаю, что больше не буду ничего брать без спроса.

— Можно. А теперь иди, всем пора спать.

Я присела в небольшом реверансе и вышла. Сразу же за дверью, пока никто не видит, снова погрузила палец в мёд и с наслаждением облизала лакомство. Никогда ничего вкуснее не ела!

У подножия лестницы меня ждала невозмутимая Бри и окончательно проснувшаяся Сибилла.

— Что сказал господин Роб? - обеспокоенно спросила кухарка, переминаясь с ноги на ногу.

— Он простил меня и разрешил оставить себе горшок с мёдом, - горделиво сказала я. - И я обещала, что ничего больше не возьму без спроса. Простите меня.

Перед Сибиллой мне и правда было стыдно. Не знаю, куда делось моё воспитание и почему тяга к сладкому оказалась сильнее. Только сейчас мне стало по-настоящему стыдно.

— Раз уж тебе не спится, то закончи уборку кухни, - сурово сказала Бри. - Чтобы к утру все столы были выдраены, а пол начисто помыт!

Она, демонстрируя непреклонную уверенность в том, что её воля будет выполнена, повернулась ко мне спиной и величаво уплыла в какой-то из коридоров замка.

— Сибилла, а ты готовишь для господ какие-нибудь сладкие лакомства? - спросила я старушку.

Та горестно покачала головой:

— Не умею я ничего такого. У нас того сахара сроду не было, а как захочется сладкого - так вон полный подвал яблок припасен, едим, чтобы не успели сгнить. А мёд ведь ядовитым становится, когда его нагреваешь. Поэтому его почти и не ест никто - боятся. Только раны мажут да при простуде в молоке мешают. Да и ни к чему это - от сладкого люди слабовольными становятся, злых бесов в душу к себе пускают. Вон как ты - и не побоялась же в хозяйскую кладовую залезть! Не иначе злой дух тобой завладел!

Сибилла перекрестилась и покачала головой.

— А с мёдом что будешь делать? - спросила она, покосившись на заветный горшочек.

— А увидишь! - бодро сказала я. - У нас есть молоко? Оно ведь не дорогое? И его не надо экономить?

— Нет, молока в замке много. Коровы есть, их много. Только и успевай доить! Мы сыр делаем, чтобы не пропадало. Так что если захочешь молочка - бери, не стесняйся. Оно на улице в холодной пещере стоит, направо от входа.

Я кивнула и пошла на кухню. Сибилла не отставала - показала мне, где хранится скоропортящаяся снедь. У внешней стены замка в камне была выдолблена небольшая комнатка, в которой действительно было очень холодно. На деревянных полках там лежало мясо, корзинки с яйцами, овощи, кувшины с молоком и сметаной. Там же под потолком были привязаны свиные окорока с тонкой прослойкой сала.

Так, ну, от голода мы тут точно не умрём.

— Сибилла, можно мне растопить печь, чтобы нагреть воды для уборки? - спросила я.

— Дак печь и не гаснет, я дров до утра подкинула, потом еще с рассветом спущусь и подброшу. Грей воду, мой. Только, знаешь что, Джейн?

— Что?

— Я воровок страсть как не люблю! Если замечу, что что-то пропало - вылетишь в то же мгновение. Поняла? Я буду за тобой следить!

Она вышла, негодуяще покачивая головой, а я осталась стоять с неприятным ощущением в сердце. Да, ну и учудила ты, Женя. Это же надо было так вляпаться!

На кухне печка и вправду была тёплая, и я водрузила на нее большой котел с водой. Пора заканчивать глупости и прибраться здесь по-настоящему. Ночью, когда никто не видит, я чувствовала себя раскованнее и спокойнее.

Но самое первое и важное дело не терпело отлагательства. Я достала из холодной пещеры глиняный кувшин с молоком. Нашла на стене горшок побольше и перелила в него молоко так, чтобы оно не доходило даже до середины. Для моих целей это было важно!

Раскочегарила печку - нужно было, чтобы углей было много и молоко кипело. Поворошила кочергой угли, потом поставила горшок в печь, неглубоко, у самой заслонки. Потом пожелала себе удачи и закрыла дверцы.

Потом оглядела кухню. С чего бы начать? Плита от нагара была очищена, и кожа на пальцах сильно зудела. Ну, ничего. Как-то же наши бабки и прабабки справлялись без Мистеров Мускулов и прочей химии?

Мне бы, конечно, самую обычную соду хотя бы... Но где её тут возьмёшь, если у них даже сахара нет?! Хотя... Порыскав по полкам, я по отсутствию запаха и характерному привкусу нашла что-то, очень похожее на соду. Неужели?!

В конце концов, я вооружилась содой, ножом и коричневым мылом, пахнущим точно так же, как и наше хозяйственное. В деревянный таз, выданный мне для уборки, нарезала мыльной стружки и залила теплой водой. Вспенила.

Потом убрала все банки-склянки-чайники-тарелки с рабочих поверхностей на обеденный стол и принялась выметать оттуда сор. Да уж, уборки здесь не было очень долго. Сухие остатки травы, закатившиеся зёрнышки пшеницы, липкие засохшие лужицы не пойми чего... Напевая мелодию из "Служебного романа", я принялась отмывать всё это безобразие.

Когда рядом никого нет и на меня никто не смотрит - то и результат совсем другой. Я забываю про свою рукожопость и просто делаю то, что должна.

Три раза за всю уборку я подходила к печке и проверяла молоко, аккуратно его помешивая. За что люблю глиняную посуду - за то, что к ней мало что пригорает. Не то что наши железные кастрюли и сковородки. Пока что всё шло так, как надо.

Составив всю кухонную утварь на место, я выскоблила стол ножом и начисто вымыла уже свежей мыльной водой. Потом настала очередь пола - его я выдраила три раза, каждый раз поражаясь, как много всякой дряни налипло на его поверхность.

За окном стало немного светать. Скоро уже проснутся обитатели замка, и мне пора было заканчивать. Я достала свой горшок из печи, помешала содержимое, накрыла крышкой и отнесла в холодную пещеру, затолкав в самый дальний угол. Пусть стоит, завтра ещё пригодится.

Потом окинула кухню внимательным взглядом - внешне она почти не изменилась. Но в воздухе витал мыльный запах, и я была уверена, что Сибилла точно увидит перемены.

Поэтому я зачерпнула ложечкой немного топленого масла, стоявшего у плиты в маленькой плошке с крышкой, растерла его по натруженным ладоням, смягчая сухую кожу ладоней, и ушла спать, не забыв захватить с собой горшок с мёдом. Он - моё сокровище!

В своей спальне я быстро сняла платье, расшнуровала корсет и бросилась на вожденную кровать. Спать!

Утро для меня настало после полудня. В моей тесной каморке весело летали пылинки, резвясь в луче яркого осеннего света. Солнце било в глаза, и я в тревоге осознала, что проспала большую часть дня.

Вскочила, надела свой средневековый наряд, немного посетовала на жизнь, скучая по трусикам и джинсам, и осторожно пошла на кухню со своим бессменным горшком с мёдом. Там всюю кипела жизнь.

Сибилла вновь склонилась над горой корнеплодов, а Рыжий Хэл чистил целое ведро мелких рыбешек величиной с ладонь. Возле печи стояли корзинки с круглым хлебом и утренними булками. Это уже были не сконы, а просто пышные булочки, которые перед подачей подогревали и мазали сливочным маслом, чтобы сделать их вкуснее.

Я поздоровалась с Сибиллой:

— С добрым утром! А мне полагается булочка? - и поднесла нос к выпечке. Пахло чем-то кисловатым, и я догадалась, что они сделаны на закваске. Очевидно, что и дрожжей никаких тут нет.

— Утро! Надо же! - хмыкнула Сибилла. - Проснулась! Не иначе, как ты у нас госпожа!

— Так я же всю ночь работала! - возмутилась я. - Когда же мне ещё спать?

— Ну ладно, ладно. Видела я, что чисто стало. Бери две булочки, завтракай. Заслужила.

Я, довольно потирая руки, положила на тарелку булочку, поставила рядом горшок с мёдом и устремила на улицу. Оттуда дохнуло холодом - там свирепствовал ледяной ветер, который тут же покрыл мурашками мои голые руки. Юркнув в холодную пещеру, я принесла свой горшок с топлёным молоком, и поставила его рядом со своей едой.

Сибилла настороженно следила за моими движениями. Я взяла две чистые ложки - одной помешала в горшке молоко и сняла коричневую пенку, с удовольствием запихнув её в рот. Ммм, потрясающе! Другую решила использовать для мёда.

Мой расчёт оказался верным: я знала, как в деревнях делают топлёное молоко. Нужно поставить в горшке свежее молоко в печь, где еле тлеют угли. Крышкой не закрывать. Пусть молоко томится, но не кипит. Тогда оно получается жидкое, карамельного оттенка, с приятным ореховым вкусом.

Но мне было нужно не это. Заставив молоко кипеть, я выпарила из него лишнюю влагу и в итоге оно уменьшилось в объеме в три раза. Зато на дне горшка оказалось именно то, чего я добивалась. Я поставила его на печь, чтобы оно слегка подогрелось - иначе мёд не сможет равномерно вмешаться в жидкость.

Когда температура поднялась, но молоко уже не было холодным - я вмешала три больших ложки мёда в получившийся соус и добавила соды. Хорошенько перемешала вспенившуюся жидкость и оставила горшок на печной плите. Спустя два часа помешиваний я сняла горшок и поставила его на стол. Момент истины!

Всё тело тут же затопило восторгом: у меня получилось отличное сгущённое молоко на меду!

Подняв ложку повыше, я театральным жестом достала припрятанную булочку с завтрака и полила её сгущёнкой. Боже, это первая моя победа в этом странном мире! У меня теперь есть сгущёнка!

Перед глазами промелькнули блины, политые сгущёнкой, оладьи, сырники! Стоп! А творог у них тут есть?! Неважно, теперь здесь можно как-то жить!

Глава 6

Рыжий Хэл, которого я упустила из виду, тут же оказался рядом и с голодным видом уставился на мою булочку.

— Что это? — требовательно спросил он и облизнулся.

— Десерт, — с невинным видом обронила я приподняла тарелку с булочкой на уровень носа. — Хочешь?

Он потянулся своей огромной лапищей за лакомством, но я проворно убрала его за спину и со смешком велела:

— Свою булку себе сам добудь!

Хэл с быстротой молнии сгонял к противню и уже вернулся со свежим сконом, после чего смиренно приготовился ждать. Я вздохнула и театральным жестом достала чистую ложку.

— Десерт не требует спешки. Он должен быть красивым! — назидательным тоном проговорила я и, подняв ложку повыше, полила золотистой сгущённой сдобу.

Одновременно с рыжим детиной мы поднесли ко рту лакомство и откусили. Шелковистая сладость разлилась на языке, а воздушное тесто равномерно её разбавило. Идеально.

Рыжие брови моего дегустатора поползли вверх, и он запихнул в рот целую булочку. Потом повернулся, намереваясь схватить с противня ещё одну, но наткнулся на суровый взгляд седовласой Сибиллы. Она жестом несущки прикрыла драгоценную выпечку и выпятила внушительную грудь.

— Только одну! — моментально начал торговаться Хэл. — И я с тобой поделюсь!

— Ха! — издевательски воскликнула Сибилла. — Он на моей кухне ещё и поделится! А ну вон отсюда! Дрова давай натаскай! А то лапаешь тут грязными сапожищами чистый пол!

Когда Хэл понуро вышел, она подошла ко мне и заглянула через плечо.

— Что там у тебя? — хмуро проговорила она.

— Сгущённое молоко! — гордо доложила я и подмигнула. — Попробуй сама!

Я поднесла ей полную ложку лакомства и она, перехватив полной рукой, засунула её в рот. Глаза кухарки расширились и она покатала жидкость внутри рта. Потом прикрыла веки и замурчала от удовольствия.

— Как... сладко, — удивлённо проговорила и спросила: — Где ты этому научилась?

— Мне кажется, я всегда это умела, — смущённо проговорила я. — И многое ещё могу, был бы сахар!

Сибилла покачала головой и осторожно спросила:

— Можно... я подам это молоко господам на завтрак?

— Нужно! — обрадовалась я. — А то у них вечно такие кислые лица.

Вместе мы прыснули, оглянувшись — точно ли никто не увидел?

Господа обедали в общей зале: лорд Роб, леди Бри, Монро и Патрик — пожилой спутник Роба, который выглядел как бож. Почему он считался знатью и обедал с хозяевами — отдельный вопрос. Надо будет как-нибудь разузнать, что здесь и к чему.

Вообще для замка в Форсе слишком малоллюдно. Кто убирал огромные комнаты? Кто ухаживал за лошадьми? Добывал еду? Ухаживал за домашними животными, косил им траву, растил огород с овощами и травами? Мне всегда казалось, что в средневековом хозяйстве трудится куча народу. В любых фильмах показывалось, как целая толпа слуг сует по замку, что-то делает, обеспечивает сносный быт. Здесь же людей — по пальцам пересчитать!

Я даже выглянула в окно, чтобы посмотреть — а правда ли есть огород, домашняя скотина? Разглядывая унылый осенний пейзаж за окном, увидела что-то яркое, мелькнувшее между деревьев.

Вгляделась, подождала. Интуиция подсказывала, что надо рассмотреть получше. И вот между деревьями мелькнул белый кончик, окаймленный черной полоской. Рыжий мех. Умный глаз. Я чуть не подпрыгнула на месте!

Сорвалась с кухни, выбежала во двор. Холодный воздух взметнул юбки, забрался в вырез рубашки. Чёрт, вся тёплая одежда осталась в комнате наверху! Не сводя глаз с деревьев, между которыми я видела рыжую макушку, забежала в холодную пещеру и схватила маленький кусочек сыра, лежавший с краю. Интересно, лисы едят изделия из молока?

Прокралась к деревьям, совсем близко растущим у замка, и тихонько позвала:

— Рыжи-и-ик! Рыжик, ты где?

Неожиданно сбоку, в самую коленку, ткнулся влажный тёплый нос. Я опустила вниз и присела, осторожно касаясь лисьей головы. Та доверчиво ткнулась мне в ладонь и начала обнюхивать кусочек сыра.

Я разжала пальцы и подвинула лакомство ближе к морде. Та с достоинством изучила кусок и молниеносно съела, на мгновение показав только острый розовый язык.

Узкая морда и осторожные повадки придавали лисе ту самую хитрость, которую так сметливо заметили наши предки и передали нам в сказках. Мой же Рыжик смотрел на меня круглыми темными глазками и будто бы изучал. Казалось, что вот-вот он (всё же мне казалось, что это самец, а не самка) откроет пасть и заговорит человеческим голосом.

Потом Рыжик отбежал в лес и остановился. Оглянулся, будто зовя за собой.

— погоди, я сейчас! Только оденусь! — и я удрала в сторону замка, но зашла не с черного хода на кухне, где меня могли остановить, а с парадного. Осторожно ступая по коридору, белкой взлетела на лестницу и, запыхавшись, ворвалась в комнату. Быстро натянула джинсы под платье для тепла, свой старый синий свитер, голову замотала платком. На плечи накинула шерстяной плед, подаренный Бертой. Теперь точно будет тепло!

Выбежала, огляделась — Рыжика уже нигде не было видно. Позвала вполголоса, поманила — не откликается. Ну что ж ты!

Воздух и лес манили. Я огляделась, вдохнула свежий воздух: ну что за красота! Последние несколько дней я провела в каменном мешке, а ведь вокруг такой замечательный лес!

Природу я любила, и в душном городе сильно по ней скучала. Проводя каждое лето в детском лагере, привыкла купаться в речке, бегать по лесу, дышать свежим воздухом. Знала, как растёт земляника и дикая ежевика, как выглядит чистотел и папоротник. Собирала шишки для поделок и листья растений для школьного гербария. Большую часть детства я была предоставлена самой себе, пока мама с папой работали и обеспечивали нам стабильную жизнь.

И сейчас, осознав, какое это сокровище — нетронутый лес вокруг замка — я вдруг обрадовалась и вприпрыжку поскакала вперед. Тут же и тропинка под ногами обнаружилась, и настроение поднялось. Дав себе обещание не уходить далеко от замка — благо его видно издали, он же на холме — я углубилась в лес.

— Мамочка, если бы ты знала только, куда я попала! — мечтательно произнесла я. — Всё как ты мне в детстве говорила! Буду плохо себя вести — стану уборщицей. Ну, вот и стала!

Внезапно стало остро грустно. Мне хотелось и смеяться, и плакать одновременно. Стало страшно, что я теперь точно одна-одинешенька в этой непонятной взрослой жизни. Но, с другой стороны, я больше уже не смогу огорчить маму. Она больше не увидит, какая я неуклюжая и ни на что не годная. Жизнь уже посмеялась надо мной, заставив зарабатывать на еду уборкой, которую я терпеть не могла. Да я лучше пятьсот тортов испеку!

Я даже остановилась от такой мысли. А что, это выход! Чтобы заработать повышение, нужно делать что-то такое, чего другие не умеют. Я умею печь сладости, а здешние люди совсем ими не избалованы. От этой мысли я даже запрыгала на месте и побежала обнимать дерево.

Вы знали, что деревья — такие же существа, как и мы с вами? Если обнять дерево, прижаться к нему всем телом и закрыть глаза, то через несколько минут вы почувствуете, как

подошвы ног начнет щекотать. Это энергия земли потекла сквозь ваше тело, а потом соединилась с деревом. А чтобы дерево поделилось с вами своей энергией — надо с ним поздороваться и мысленно об этом попросить. Всё очень просто!

Я сказала высокой сосне: «Привет!» и прижалась к ней щекой и всем телом. Вдохнула влажный смоляной запах. Мои мысли плавно перескочили на лорда Роба. Ужасно неудобно так его называть! Он был очень похож на кудрявого брюнета из кофейни, на которого я засмотрелась в самом начале своего путешествия. Правда, красавчиков всегда приходилось избегать. Ни один из них никогда на меня не смотрел, потому что я была очень далека от девочек, которые обычно окружают видных парней.

Противные рыжие веснушки, слишком белая кожа, синие венки, выступающие на запястьях и висках. Я не могла похвастаться модными шмотками, у меня не было денег на настоящему классные шмотки и косметику... Поэтому красавчики никогда меня не замечали.

Холодная капля упала на нос и я поняла, что пора отпустить дерево. На сердце стало легко и радостно — просто так. И я неспешно пошла по тропинке, изучая лес.

Самые яркими и красивыми были оранжевые клёны. Они растопырили свои резные пятерни и обмахивали меня водой, скопившейся на острых кончиках листьев. Высокие дубы потихоньку теряли свою бурю одежду, и та с тихим шелестом падала на тропинку. Восхитительно пахло сыростью. Густые заросли папоротника стелились по подлеску и делали лес похожим на затерянную планету.

Я слышала птиц и непонятные стуки — этот невероятный мир жил своей жизнью. Выискивая взглядом грибы, я наткнулась на внимательную белку, которая подглядывала за мной с безопасной высоты. В ее когтистых лапках притаилась крошечная шишка. Ветка под моей ногой хрустнула и белка умчалась прочь.

Зато под коленку ткнулось что-то живое. Уже разворачиваясь, я догадалась, кто это — Рыжик не бросил меня, а догнал в середине пути.

— Ну какой ты хитрец! — восхитилась я. — Спасибо, что не бросил одну. Покажешь мне свой лес?

Лис или лиса (никогда не умела определять пол даже у кошек) припустила вперед, деловито припадая к тропинке и что-то вынюхивая. Я быстро пошла за ним.

В лесу темно. Я и забыла, что у тех, кто встает после обеда, день обычно короток. Но Рыжик уверенно вёл меня вперёд, и с ним я почему-то совсем не боялась. Пространство наполнялось новыми звуками. Какая-то птица — неужели сова? — пролетела слишком низко, громко хлопая крыльями. Стало холодать.

Внезапно я услышала звуки, которые показались мне слишком необычными для вечернего леса. Будто бы песнопение или утробное мычание... Словно несколько человек мычали мелодию. Я такое слышала только на репетициях школьного хора, когда проходила мимо актового зала.

Но это пение было... иным. От него шевелились волоски на затылке и кожа на руках покрылась колючими мурашками. Рыжик тоже остановился и принюхался, низко опустив морду. Всё-таки буду считать его самцом, пожалуй.

Между деревьев замелькали фиолетовые сполохи. У меня появилось полное ощущение, что прямо посреди леса остановилась полицейская машина с мигалками. Не может быть! Я всё же... в своём, реальном мире? Разве это возможно?

Приподняв неудобные юбки, я припустила напрямик через лес на звук и огни. Они становились всё ближе, и будто бы обволакивали меня со всех сторон. Уже впереди была видна поляна, на которой двигались какие-то фигуры. Рыжик остановился и замер, присев за густыми кустами. Я присела вместе с ним, потому что то, что открылось мне через мгновение, выглядело слишком необычным.

Посреди лесной поляны, окружённой тёмной стеной деревьев, горел фиолетовый костёр. Пламя словно бы висело над травой, не трогая её, и кидало на лица окружающих синеватые отблески. Оно трещало так же, как обычное пламя, и, судя по всему, танцующим вокруг него женщинам было тепло.

Их руки были голыми, ноги — босыми, а волосы распущенными. На головах яркими пятнами мелькали венки из осенних листьев. Ни поясов, ни лент на них не было. Белые длинные сорочки без рукавов, и воздушные пелерины, спадающие с плеч. Женщины кружились в танце, ритмично поднимая и опуская руки, и что-то напевали. Тонкая воздушная ткань за их плечами повторяла движения, и, окрашенная в фиолетовый цвет от пламени костра, создавала необычную волнующую атмосферу.

Затаив дыхание, я следила за ритмичным танцем, и сердце рвалось туда, к ним. Сбросить бы тяжелые башмаки, тесные джинсы, дать босым ступням почувствовать свободу и мягкость зелёной ещё травы! Закружиться в танце, напевая гипнотизирующую мелодию, и обрести вот таких подруг.

Внезапно из пламени костра появилась высокая белая фигура и поплыла по поляне. Это же натуральный призрак! Седовласая старлица, одетая точно так же, как и её жрицы, была выше их всех. В руках у неё был увитый растениями посох, сделанный из гибких ивовых прутьев. Белые волосы развевались во все стороны. Она плыла по часовой стрелке и делала странные движения руками.

Поворот головы, пронзительный взгляд фиолетовых глаз — и она уже смотрит прямо на меня. Сквозь разделяющие нас метры, стволы деревьев, мой страх — она увидела меня!

Внезапно сильно заболел центр лба. Страх пробрался в лёгкие, которые уже наполнились воздухом, чтобы закричать. Но из распахнутого рта не донеслось ни звука.

Я просто повернулась и изо всех ног бросилась назад. Сердце стучало в груди, заглушая мысли. Обернуться было страшно — если призрак старухи меня догоняет, то я кончусь прямо здесь, посреди чужого мне леса.

Через время я уловила движение сбоку и поняла, что рядом со мной широкими прыжками бежит Рыжик. Вот у кого даже дыхание не сбилось!

Спустя долгие минуты оглянулась и увидела, что за мной никто не гонится. Можно остановиться и выдохнуть, собравшись с мыслями. Рыжик остановился рядом. Даже язык не высунул, псина! А у меня закололо в боках и от страха подгибались колени.

Что я такое увидела? Это была... магия?

Подняв голову вверх, я увидела полную Луну, которая спокойно висела над лесом и с насмешкой взирала на меня.

— Рыжик, ты бессовестный! Ты куда меня привёл? — с упреком сказала я, слегка щёлкнув его по уху. Лису не понравилось.

Он отскочил с тропы и поплёлся в лес.

— Эй, погоди! Ты что, меня бросаешь? — закричала я и вдруг ощутила, что не знаю, где я.

Остановившись, Рыжик повернул ко мне умную морду и даже, как мне вдруг показалось, вздохнул. Потом подошёл к какому-то дереву и начал лизать ствол. Что он там нашёл?

Приблизившись, я потрогала место, которое его заинтересовало, но ничего интересного не нашла. Просто кусок стрелы, воткнувшейся в дерево. Хм. Стрела? У них тут всю используют лук и стрелы?

Но Рыжик уже отвернулся и вновь засеменял по лесу. Спустя каких-то пять минут я увидела заветную тропинку, а в конце её — сам замок.

— Спасибо! — искренне поблагодарила я. — Приходи ко мне ещё, я вынесу тебе что-нибудь вкусненькое!

Но лис уже меня не слушал, скрывшись в чаще леса. Остаток пути до замка я проделала одна.

Когда вошла в кухню с чёрного входа, то меня окутал пряный запах мясной похлёбки и свежевыпеченного хлеба. А ещё пахло чем-то таким домашним... знакомым... жареная курица!

О Боже, курочка! Рот мгновенно наполнился слюной и я поняла, что жутко голодна.

— Куда пошла?! — окрикнула меня Сибилла, которая деловито резала что-то прямо пахнущее в деревянной миске. Я подошла к ней и заглянула через плечо — квашеная капуста! Я попала в рай!

— Я есть хочу, — жалобно проблеяла я и, сделав шаг назад, вдруг подпрыгнула и заорала от боли.

Огненный противень, стоявший на самом краю у печи, обжег мне локоть и всю заднюю часть предплечья.

— Чёрт, чё-ёрт, чё-ё-ё-ёрт, — запрыгала я, всхлипывая от боли. — Ну кто ставит противень на проходе!

К запаху жареной курочки прибавилась жареная Женья.

— Это ты смотри, куда идёшь! — прикрикнула на меня Сибилла и с ворчанием захлопала. Схватила меня за руку, подвела к мойке и полила холодной водой на обожжённые места.

— Хэл, принеси мёда из кладовки! — скомандовала она рыжему детине, и он с невиданной прытью помчался в тёплую кладовую.

— Зато узнаешь, что мёд нужен не для того, чтобы им лакомиться, — недовольно отчитывала меня Сибилла. — Как так можно! Тебя хоть привязывай!

Увидев на моих глазах слёзы, притихла:

— Ладно, чего уж. Не реви! Тебя лорд просил подняться к нему, когда ты вернёшься. Наверное, твоё густое молоко ему понравилось.

А вот это была хорошая новость. Хэл принёс мёд, и Сибилла ловкими движениями принялась накладывать его на ожог, что-то тихонько шептала.

— Что ты шепчешь? — спросила я, вспомнив, как в самый первый день она тоже что-то делала над сконами и шептала.

— Как что? Молитву, чтобы быстрее зажило, — ответила она и посмотрела на меня ясными глазами. Врёт.

— А, ну спасибо, а то показалось... — улыбнулась я так, чтобы она тоже поняла, что я вру. — Не важно!

Боль вскоре отступила. Вся перемазанная мёдом, как истинная Сладкая девочка, я пошла к лестнице, чтобы предстать перед хозяином замка.

Глава 7

Роб (язык не поворачивался называть его лордом) сидел не в кабинете. Пришлось обойти весь второй этаж, чтобы выяснить, что девять из тринадцати комнат закрыты. И кабинет в их числе. Я обнаружила четыре незапертые спальни — и одна из них сильно роскошнее, чем три другие. Почему-то подумалось, что она отведена леди Бри.

Я спустилась на первый этаж и в общей зале нашла мирно беседующих лорда и леди. Перед ними стоял поднос с керамическим заварным чайничком и двумя чашечками. В креманке отливала аппетитным золотистым светом моя сгущёнка. На секунду стало обидно — лопают мою прелесть, и мне, небось, ничего уже не осталось!

Леди Бри подняла свою изящную головку и окинула меня внимательным взглядом. И я сразу как-то внезапно ощутила, как жалко я выгляжу со стороны. Взлохмаченные волосы, растрёпанные под платком, красный ожог на руке, простое серое платье и затравленный вид.

Сама же леди Бри выглядела так, будто только что вернулась со званого вечера. Белые перчатки плотно охватывали изящную кисть, чёрное платье с низким вырезом сидит, как влитое. Никаких легкомысленных рюш, лишних украшений. Чёткие строгие линии, элегантная нитка жемчуга на шее, тонкий серебряный браслет на белоснежном запястье. Спокойное и сосредоточенное лицо.

Лорд же выглядел совсем по-другому. Удобные кожаные штаны плотно облегли бёдра, и я тут же отвела от него глаза. Мне всегда нравились мужчины с длинными стройными ногами, и у Роба они были именно такими. Кажется, ещё на нём был парчовый камзол, расслабленно расстёгнутый на груди и открывающий чёрную нательную рубашку. Огонь из камина — ярко-оранжевый, уютный — освещал их лица и придавал комнате камерность.

— Проходи, Джейн, — пригласил меня лорд Роб и указал на один из стульев у стола, — садись.

Я осторожно присела и с трудом пристроила саднящую руку. Чего ждать? Похвалы или нагоняя?

— Расскажи нам, из чего ты сделала этот соус? — осведомился хозяин замка, подхватив длинными пальцами серебряную ложечку, после чего продемонстрировал восхитительную густоту лакомства.

— Из молока и мёда, — быстро ответила я, облизав губу.

— И всё? — уточнил он. Я кивнула. — Но ты же знаешь, что при нагревании мёд превращается в яд?

Я набрала в грудь воздуха, чтобы опровергнуть это заблуждение, но передумала.

— Я и не нагревала. Добавила мёд в уже остывший соус.

Леди Бри и Роб переглянулись, но смысл их взглядов остался для меня недоступен.

— А что ещё ты умеешь делать из сладкого? — фальшиво улыбнулась Бри. Вышло откровенно паршиво.

— Много чего... Могу торт сделать, хотите? «Молочную девочку», — я быстро прикинула, что сахар в этом рецепте не нужен. Только сгущёнка.

— Торт? — голубые глаза Бри полыхнули, а маленький красный язычок облизал нижнюю губу. Да она явно сладкоежка! А по фигуре и не скажешь. — Это было бы здорово!

— Что тебе надо для торта? — осторожно спросил Роб, а я начала перечислять:

— Мука, яйца, сливочное масло, сода, — я загнула четыре пальца и задумалась. — А вот на крем нужен сахар. Не знаю, смогу ли его заменить...

— Сода у нас есть, и всё остальное тоже! — холодно объявила Бри и поднялась. — Сколько времени тебе нужно?

Так, если сделать крем не заварной, как обычно, а сметану со сгущенкой и сливочным маслом... То может получиться.

— Три дня, — твёрдо взглянула я в глаза Роба, игнорируя Бри. И он ободряюще улыбнулся. — Если получится меньше, то так тому и быть. Но технологии надо соблюдать.

— Тогда делай. Я скажу Сибилле, чтобы выдала тебе всё, что нужно! — и леди Бри выплыла из комнаты, обдав меня сладким цветочным запахом. Мне захотелось тут же пойти за ней, чтобы понять, какими духами она пользуется.

— Джейн, если будут какие-то вопросы, то обращайся сразу ко мне, — как-то расслабленно и по-простому сказал Роб. И взгляд его тоже потеплел. Я кивнула, присела в реверансе и вышла. Черт его знает, нужен ли ему мой книксен, но мне просто захотелось.

Вниз я шла со взглядом победителя. Немного спародировала походку королевы, выпрямив спину и величаво спускаясь по лестнице. На последней ступеньке нога подвернулась и я полетела бы вниз, если бы навстречу не шёл Монро. Высокий и худощавый, он то и дело поправлял пышные русые волосы, которые выглядели, как львиная грива. Я даже подумала, что он тоже кудрявый, просто расчёсывает волосы и не умеет формировать завиток. А потом одёрнула себя — ну какой завиток у средневекового мужчины?

Схватив в объятия, Монро осторожно опустил меня на пол, но разжимать руки не спешил. Его насмешливый взгляд гулял по моему лицу, а губы изогнулись в хитрой усмешке.

— А у тебя всегда такие яркие веснушки? Или только после лета? — игриво поинтересовался он. — Мне нравятся!

— После лета, — буркнула я. — Зимой я похожа на бледную моль. Отпустите меня... сэр!

— Зови меня Сэм. Сэм Монро, — представился он и наконец отпустил меня, сделав шаг назад. — Мне понравился твой молочный соус. Если тебе что-то нужно для того, чтобы сделать ещё что-то вкусное — я всегда к твоим услугам.

— Джейн?

Он задел мою обожжённую руку и смазал мёд, чем причинил мне боль. Я зажмурилась, но почему-то было очень стыдно признаться ему в этом. Он же был так добр ко мне только что!

Обеспокоенно глядя на меня, Сэм нахмурил брови, а ясные серые глаза искали причину моей гримасы.

— Всё нормально, — выдавила я и бросилась к кухне. — Спасибо, Сэм!

На кухне уже всё было прибрано. Сибилла ставила опару на завтрашнюю выпечку, а на полу валялись следы сегодняшней готовки: овощные очистки, крошки, крупы, капли крови от мяса. Я вздохнула. На дворе уже ночь, а у меня только-только пробудилась энергия. Хотя, с другой стороны, образ жизни ночной уборщицы устраивал — никто не будет смотреть на меня, и я сделаю меньше ошибок.

Но восхитительный запах жареной курицы никуда не делся. Я потребовала себе свою порцию и получила ароматное крылышко и маленький кусочек белой грудки с зажаренной корочкой. Ммм, великолепно! Сибилла также поставила передо мной поднос с хлебом и длинные маринованные стебли, напоминающие кабачковую ботву.

— Что это? — удивилась я. Зеленоватые стебли были нарублены на куски размером с палец, и были присыпаны укропом. От них пахло уксусом.

— Моченый лопух! — пояснила Сибилла, удивлённо глядя на меня. — Ты что, никогда такой не ела?

Я покачала головой и осторожно тронула пальцем кусок стебля.

— Это стебель лопуха? Реально? — решила переспросить ещё раз, вдруг я что-то не так поняла?

— Ешь уже, а то скоро ночь на дворе, а ты только явилась. Убирать кухню когда будешь? Между прочим, ещё надо разобрать и помыть все шкафы и полки, а потом прибраться в холодной пещере, а тебя весь день нет!

Я втянула голову в плечи и закинула в рот кусок лопуха. Ммм, вкусно! Напоминает соленый огурец, только плотность у овоща не та. Я бы сказала, что похоже на спаржу, но маринованную я её никогда не пробовала. Это можно есть!

Набив желудок сытным ужином, я приступила к уборке.

Взявшись за длинный веник, вымела грязь из-под стола и начала прибираться всю кухню.

— Сибилла, господин Роб разрешил брать мне из кладовой всё, что нужно для десертов, — сообщила я кухарке. — Чтобы вы потом не говорили, что я что-то взяла без спросу.

— Хорошо, — кивнула она. — Хочешь, я помогу?

Я немного подумала, а потом кивнула. Перечислила всё, что мне может понадобится, и взялась за тряпку. На печке стоял наполовину пустой котел с теплой водой, и с помывкой пола я справилась довольно быстро. Голова была занята планированием торта, и сегодняшняя уборка пролетела незаметно.

— Сначала давай научу тебя готовить сгущённое молоко. Это самое любимое лакомство с детства! — я помыла руки и обратилась к Сибилле, которая придирчиво рассматривала доньшки кастрюль. Нет уж, пусть сама чистит!

Подробно комментируя свои действия, я взяла горшок побольше и налила туда целых три литра молока. Потом поручила Сибилле регулярно мешать, чтобы не пригорело, и принялась за подсчёты ингредиентов.

Перед глазами всплыла мамина тетрадка с рецептами. Странички у неё были промасленными и загибались кверху. Как часто я видела, что она нетерпеливо листает её в поисках нужного рецепта пальцами, испачканными в муке или масле. От тетрадки слабо пахло ванилином и выпечкой.

Пожалуй, я не буду экспериментировать с порциями и возьму обычную, чтобы хватило на пробу. Как часто нам на уроках в колледже говорили, что из-за разного вкуса продуктов результат может сильно отличаться от привычного! А тут и сгущёнка медовая, и яйца невесть какие, и с маслом ничего непонятно!

А еще важный вопрос — как сделать так, чтобы корж не прилипал к противню? «Молочная девочка» — это торт, состоящий из 10-11 тонких коржей, и по структуре напоминает медовик. Дома я всегда покупала самую дорогую силиконизированную пекарскую бумагу, а вот тут полная засада.

— Сибилла, а у тебя булочки не прилипают к противню? — спросила я свою напарницу.

— Когда как. Я густо смазываю маслом и посыпаю мукой, тогда не прилипают, — охотно отозвалась она, не сводя глаз с горшка с молоком. Я хмыкнула.

Да, беда. Коржи для этого торта очень нежные. Они не сохнут в духовке, как у медовика. И даже на хорошей бумаге бывало, что прилипали. Но — была не была. Будем экспериментировать.

Я оглядела инструменты, приготовленные Сибиллой. Железная миска, проволочный венчик для взбивания. Деревянная ложка. Противень.

Я мысленно застонала — где моя удобная силиконовая лопатка? Планетарный миксер? Как же сложно делать то, о чем привыкла даже не задумываться, на коленке!

Но делать нечего. Разбила три яйца в миску и взбила венчиком в пузырящуюся массу. Потом добавила все запасы сгущенки, которые остались после прожорливых господ. По рецепту нужно было 525 грамм, но тут пришлось бахнуть на глаз. Ну, примерно столько и есть. И начала активно взбивать венчиком получившуюся смесь.

Через минут пять рука устала, и я спланировала эту обязанность Сибилле. Та была рада занять руки, и я вернулась к столу. Чтобы коржи поднялись, нужно просеять муку, чтобы обогатить кислородом.

Сито Сибиллы было рассчитано на большие объемы муки и диаметр его был огромен — для выпечки хлеба и булок требовалось просеивать сразу много муки. Пришлось взять большой противень и над ним потрясти ситом.

По рецепту мне нужно было 300 грамм, и я отмерила почти полтора стакана. Заодно оценила, как помогает знание мер и весов. А появилось оно у меня просто — денег на кухонные весы не было, и обзавелась я ими только на первом курсе колледжа. До этого мы с мамой обходились стаканами и мерными ложками. Голь на выдумки хитра!

Собрала муку аккуратными движениями и забрала у Сибиллы на совесть взбитую яично-молочную смесь. Потихоньку, по ложечке, ввела муку и сверху добавила чайную ложку соды. Сейчас бы еще лимонную кислоту — и получился бы разрыхлитель. Двух десятиграммовых пакетиков от доктора Откера мне бы точно хватило!

Немного подумав, я решила добавить в тесто ложку мёда, когда Сибилла отвернулась. Сода реагирует на мёд чуть хуже, чем на кислоту, но всё равно вступает в реакцию при нагревании. Поэтому обойдёмся пока этим.

Деревянной ложкой замесила тесто, пальцем взяла пробу со стекающей капли и осталась довольна. Сладко, но надо сыпануть щепотку соли. И можно выпекать.

Теперь квест с температурой — дома я выпекала при 200 градусах по 5 минут каждый корж, а тут в печи фиг поймёшь.

«Снова экспериментировать! Ну ничего, теста много, рискнем», — подумала я и запела про себя песенку. Так намного лучше.

Густо намазав металлический противень сливочным маслом, я посыпала сверху мукой и мысленно помолилась, чтобы всё получилось. И заодно придумала, как сделать ровные коржи. Я взяла крышку от кастрюли, намазала тестом края и сделала отпечаток на противне.

А потом, выливая ровно одну большую ложку теста, я размазала его кисточкой до круглого отпечатка. Я и дома делала почти так — размазывала внутри металлического кольца, а потом его убирала. Обрезков при таком подходе почти не остается.

Наконец первый корж был готов, и я засунула его в печку. Плечом к плечу мы стояли у заслонки с Сибиллой, отсчитывая время. Когда счёт достиг 180 секунд — то есть тесто продержалось в печи ровно три минуты — я не выдержала и полезла проверять.

Ровный беловатый корж неравномерно поднялся бугорками, и его корка была сухой и не липла к пальцам. Готово!

— Вытаскиваем! — скомандовала я Сибилле, и сама поскакала к следующему противню. Дома я выпекала коржи на двух противнях, успевая намазывать тесто на второй за те пять минут, что печется предыдущий корж. Горячий круг выкладывала на металлическую решетку, чтобы он полностью остыл, и между коржами клала бумагу — иначе в стопке они прилипают.

Здесь дело шло медленнее. В кухне не было часов, и вместе с Сибиллой мы отсчитывали секунды в уме, а потом я шла намазывать следующий корж.

Когда мы выпекали седьмой корж, я поймала Сибиллу за зевком.

— Может быть, спать пойдёшь? Я справлюсь! — спохватилась я. Кухарка наверняка встала с петухами, а до следующих петухов осталось не более 3-4 часов.

— Нет, я с тобой до конца. Уж больно любопытно мне! — призналась она.

— Тогда принеси, пожалуйста, чистых полотенец, — попросила я. — Надо будет переложить ими коржи.

Та кивнула. Пока она бродила по коридорам замка, я допекла последние коржи. Всего их получилось десять. Я устала коржами чисто вымытый стол, и в ожидании Сибиллы начала вырезать из них ровные круги. Технология была старая, как мир. Та самая крышка от кастрюли выдавливала из неровного тонкого теста идеальный круг, а я ножом доводила до совершенства.

Положив в рот первый из обрезков, я зажмурилась от удовольствия. Крошечный кусочек таял во рту и имел ту отчетливую молочную сладость, какая и должна быть!

Мне так хотелось поделиться своим восторгом с Сибиллой, что я схватила следующий кусочек и помчалась искать её по спящему замку. Где она так долго копается?

Завернув за угол, я почувствовала, что у меня зашевелились волосы на голове. Дверь в каморку была открыта, и оттуда виднелись сполохи фиолетового пламени! Я попятилась, но потом вдруг решила и шагнула в каморку.

Сибилла, собиравшая в стопку полотенца, была занята и не сразу меня увидела, а под потолком висел фиолетовый огонек. Он освещал пространство, но ничего при этом не горело. Я как замороженная разглядывала этот огонёчек, похожий на свечной, и не могла оторвать глаз.

Кухарка, почувствовав моё присутствие, быстро обернулась, моргнула и огонёк исчез. Каморка погрузилась в темноту.

Мы молчали.

— Пошли, — скомандовала Сибилла, и вновь зажгла огонёк. — Чего уж тут...

В сопровождении фиолетового огонька, плившего по воздуху, мы дошли до кухни, в которой он погас.

— Если ты кому-нибудь расскажешь, то навлечёшь большую беду на весь замок, — проговорила Сибилла, глядя в пол. — И на себя тоже.

— Пошли складывать коржи! — преувеличенно бодро предложила я и вернулась к столу. — Нужно каждый переложить полотенцем и поставить в темное место. Тут бы, конечно, помогла плёнка, но за неимением сгодятся и полотенца. Они, конечно, заберут часть влаги из теста, но и отдадут краям, чтобы они не были сухими. Понимаешь, Сибилла, по технологии важно оставить коржи хотя бы на ночь, чтобы влага в них перераспределилась как следует. Обычно с «Молочной девочкой» я так не делаю — намазываю кремом в тот же день. Но сейчас сгущёнки нет для крема, да и спать уже пора...

Я тараторила, переводя тему, пока не вспомнила о сгущёнке, запекающейся в печке.

— Сгущёнка! — крикнула я и побежала доставать. Я совсем про неё забыла! Три литра молока!

Сибилла уже достала горячий горшок и осторожно мешала длинной ложкой. Молоко не пригорело — это плюс! Зато загустело сильнее, так как воды выпарилось больше. И это тоже плюс, потому что крем получится менее текучим, чем мог бы.

Фух! Бог рукожопости сжалился надо мной в этот раз!

Мы с Сибиллой переглянулись и потащили горшок на стол. Вмешали мёд, разболтали массу и закрыли её чистым полотенцем, обвязав верёвкой горловину. На сегодня всё!

— Сибилла, сгущёнку надо убрать так, чтобы никто её не нашёл раньше времени, — хмыкнула я. И мы потащили наши сокровища — я стопку с коржами, укутанными в полотенце, она горячий горшок — в холодную пещеру.

А на обратном пути я схватила кусок варёного мяса, сыр и масло, чтобы устроить поздний ужин. Или завтрак — как знать.

Нарезав тонкими ломтями мясо и сыр, я раздобыла хлеб и намазала на него масло. Получились два внушительных бутерброда. Сибилла тоже облизнулась и присела за стол.

— Я считаю, что мы заслужили по бокалу самого дорогого вина! — мечтательно проворчала я.

— У нас нет вина для слуг, — отозвалась Сибилла. — Но я тоже бы не отказалась!

Со вздохом мы запили наш поздний ужин молоком и умяли бутерброды. Потом протерли стол, и оглядели кухню. Вроде чисто.

— Завтра у господ на завтрак будет вчерашняя еда, — сурово сказала Сибилла. — Ничего, не облезут. Пошли спать.

Мои глаза уже тоже слипались, и мы с ней пошли по коридору каждая в свою сторону.

— Джейн, — прошептала Сибилла. — Если завтра ты не позовёшь меня доделывать торт, я подсыплю тебе в еду слабительное.

Я расхохоталась и ничего не ответила.

Глава 8

Проспав всего пару часов, я встала ещё до завтрака. Оделась, уже привычно шнуруя корсет и влезая ногами в теплых чулках в кожаные башмаки, и припустила на кухню. Надо бы разобрать шкафы и закончить генеральную уборку, пока меня не уволили за безделье. Где-то внутри и так скребли кошки, что я могу лишиться места в этом странном замке без сахара.

На кухне не было Сибиллы, зато какой-то незнакомый мне молодой человек в черном фраке и белой манишке ставил на поднос яства, приготовленные на столе: белый хлеб, сыр, жёлтое плакучее масло, вареные яйца. Классический завтрак, в котором не хватало только чего-то горячего — сытной каши или омлета, например.

Лакей зыркнул на меня, но ничего не сказал. Я же была сыта своим поздним ужином, поэтому вид еды не соблазнил. Предстояло разобрать полки, протереть их и добраться до паутинки в углах под потолком. А на это надо было ещё морально настроиться. Больше всего меня сейчас манили коржи и сгущёнка за стеной средневекового холодильника. Волновалась — не съел ли кто? Не пропало ли?

Услышав внезапный шум, повернулась. Две женщины среднего возраста вломились в кухню, о чём-то переговариваясь. В длинных простых платьях и запylённых передниках, они тащили каждая по ведру в одной руке, по метле — в другой. Худощавые, с красными ладонями, они, тем не менее, смеялись и оживлённо болтали. Я уставилась на них, они — на меня.

— Привет! — нарушила я молчание. — А вы кто?

— Это ты — кто? — спросила та, что повыше. Тёмные волосы выбились из-под платка, завязанного по-деревенски, под затылком. — Сибиллы сродственница, что ли?

— Нет, я тут убираю кухню... — пробормотала я. Судя по виду и экипировке, женщины занимались тем же самым.

— А! Так ты помощница новая? Наши девки никто не пошёл, — деловито пояснила вторая женщина. У неё был какой-то нервный большой рот и маленькие тёмные глазки.

— Куда не пошёл? Кухню убирать? — удивилась я. — А что тут такого?

— Как что? В замке ночевать надо, а наши никто не пойдёт. Боязно, — пояснила большеротая.

— Почему? — ещё больше удивилась я.

Но высокая толкнула в бок локтём товарку, и они заторопились к котлу.

— Дык до деревни далеко, мало ли, — соврала большеротая. — Ну, нам пора, ещё весь второй этаж убирать.

Он наполнили вёдра чистой водой из котла и молча удалились.

— Ты их не слушай, бабы оно и есть бабы. Дуры, — добродушно пробасил Рыжий Хэл, который в углу точил большие ножи для мяса.

Я резко обернулась, уставившись на него злым взглядом. Что за мужской шовинизм?

— Ну не-е-ет, ты-то точно не дура! — заверил меня Хэл и громко заржал.

Я схватила полотенце, скомкала его и запулила в голову шутнику. Он увернулся, но при этом ударился о стойку, на которой хранились ножи, и они каскадом полетели на пол, чудом не воткнувшись в его сапог.

— А я и не знал, что это заразно, — пробормотал он, выдирая ножи и рассматривая треугольные дырки в полу, оставленные заточенными кончиками. — Ну, твоя неуклюжесть.

Я вооружилась половником и двинулась за ним, угрожающе размахивая над головой длинной железякой. Хэл выставил вперёд руки в защитном жесте и прокричал:

— Нет! Не приближайся! А то ещё что-нибудь уронишь! Оставь этот замок нам, не разрушай!

Я громко рассмеялась — таким серьёзным был его тон. Он подхватил мой смех, громогласно заржав, и его кожа из бледной сделалась красной.

Отсмеявшись, мы собрали ножи и приступили к наведению порядка. Немного помолчав, Хэл серьёзно сказал:

— Бабы приходят с деревни раз в неделю, чтобы навести порядок в комнатах. Это дешевле, чем держать прислугу в доме, а для них это хороший способ заработать пару-другую элов в месяц.

— А почему им в замке боязно ночевать? — спросила я.

— Так привиденьев боятся, — простодушно сказал Хэл, но в глубине глаз заплескалось что-то такое, чему я не знала названия. — Какой же замок в Злобной Пустоши и без привиденьев?

Я неуверенно кивнула, задумавшись о своём. Значит, местные действительно боятся замка. Лорд Роб тоже говорил, что вокруг слишком мало женщин, и работниц не хватает. А вот поди ж ты — деревенские приходят и делают свои дела. Кто из них врёт?

Слишком мало данных, чтобы делать какие-то выводы. Мне срочно нужно подружиться с кем-то из болтливых, чтобы порасспросить про здешние порядки подробнее. И про фиолетовый огонь тоже.

Я вытащила все банки и горшки с настенных полок и принялась выгребать пыль и травяные крошки с укромных уголков. Занятая своими мыслями, и не заметила, как смогла отмыть их все. Потом принялась вытирать пыль с каждой банки-склянки. Чего тут только не было! По игольчатым сухим листочкам узнала розмарин, по пряному запаху — тимьян. Чёрный перец горошком мне тоже был знаком. А вот пряность, пахнувшая тухлым луком и чесноком одновременно — нет. Я быстро закрыла крышку и поставила её на место. Просто фу!

Одну за другой составила все припасы на место и полюбовалась со стороны результатом работы. Разномастность способов хранения — глиняные горшочки, кувшинчики, стеклянные банки и деревянные посудины — создавали живописную картину деревенской кухни. Красиво!

К обеду на рабочее место прискакала Сибилла. Она была бодра и весела, а я поразились: если она проспала до обеда, и никто не обратил на это внимания, значит, тут за дисциплиной никто не следит? Или просто её боятся и не делают замечания? Как говорила моя мама, всё интересней и интересней...

Сибилла быстро раздала указания, проверила кончиком пальца остроту ножей, заточенных Хэлом, и отправила того на улицу разделять свежепривезённую тушу кабана, которого подстрелил хозяин с Сэмом Монро, вернувшиеся с ночной охоты.

Странный образ жизни у всего замка, скажу я вам. Господа ночью уезжают, а днём спят. Кухарка всю ночь кашеварит с полумойкой, а потом до обеда обе отсыплются. Была б здесь моя мама, быстро бы навела порядок. Подъём, завтрак, обед, ужин, отбой — всё строго по расписанию! А начнёшь саботировать — живо найдёт наказание!

— Джейн, помоги мне с картофелем и похлёбкой! — перебила мои мысли Сибилла и указала кивком головы на мешок с грязной и мелкой картошкой. — А потом займёмся тортом.

Я прикинула, что обед нужно уже скоро подавать, а торт может ещё постоять, и кивнула. Она вручила мне маленький ножик и усадила за чистку, а сама пошла промывать рис и шинковать оставшиеся с прошлого ужина обрезки приготовленного мяса.

Пока я воображала, что нахожусь в армейской столовой и командир дал задание начищать целый мешок грязнящей картошки, Сибилла ловко закинула в котел мелко порезанную кровяную колбасу, бекон, ломти холодной говядины и приправила всё это кусочками сала.

Потом велела помыть картошку и тоже бросила в суп. До меня донеслись восхитительные запахи варёных копчёностей, и в памяти вспыхнули запахи любимого супа.

— Сибилла, а давай сюда закинем томатную пасту и..., а лимон у вас есть? Оливки? — подступилась я к ней, глотая голодную слюну.

— Лимоны есть, а вот оливок — нет, — отрезала она. — Я их и не пробовала никогда. А вот ты точно хочешь мне целый котёл похлёбки испортить!

— Ну почему же испортить? Если добавить томатов и чего-то кисленького, то получится вкусная солянка! Моя мама такую варила!

Сибилла с сомнением смотрела, как я помешиваю её суп и пробую жирный бульон. А меня уже несло:

— Я знаю, чем заменить оливки! Давай положим туда мелко нарезанные лопухи! Они как раз дадут тот самый вкус!

Методично рыская по кухне, я сбегала в пещеру-холодильник и приволокла стебли лопухов из большой бочки и один целый лимон из ящика.

— А томаты где? — спросила я Сибиллу, которая то открывала, то раскрывала рот, как рыба.

— В банке, — проговорила она и указала на полку, которую я только что протирала. — В масле стоят.

Ага! Протёртых томатов нет, но есть что-то вроде вяленых в масле. Это не очень-то пойдёт...

— А свежих нет?

— Есть несколько гнилых, я их выкинуть хотела... В пещере слева от входа, в ящике.

Я метнулась туда и приволокла десяток помидоров, уже начавших покрываться чёрными пятнами. Ну ничего! Быстро ошпарила их кипятком, вырезала гнилые пятнышки и мелко-мелко измельчила в ступке в пюре.

— Как говорила моя мама, в супе всё сварится! — и бухнула в котёл томатную пасту и мелко нарезанные лопухи.

Перемешала, попробовала. Потом нашинковала лимон кольцами и высыпала следом. Конечно, солянки с картошкой и рисом не бывает, да и лимон кладут непосредственно в тарелку. Но — знатоков тут нет, а лордам и так сойдёт.

Перемешала, попробовала — восхитительно! Сибилла, перехватившая у меня ложку, надолго застыла, перекатывая во рту бульон от солянки. Потом открыла глаза, кивнула и сказала:

— Посмотрим, что скажут господа. Эй, Фрэнк! — крикнула она в коридор, и оттуда, как по волшебству, появился официант во фраке и манишке. — Подавай обед!

Когда стол у господ в большой зале был накрыт и Фрэнк удалился их обслуживать, мы втроём с Сибиллой Рыжим Хэлом сели пробовать моё варево.

— Солянка... Хм, — произнёс Хэл, облизывая ложку. — Сибилла, это лучше, чем твоя прозрачная похлёбка! Согревает пузо в холода.

Но Сибилла не обиделась.

— Это Джейн спасибо. Не знаю, где там в её бестолковой голове находится столько идей, но мне они по вкусу.

Я благодарно улыбнулась и продолжила наворачивать солянку, вспоминая вкусы своей далёкой родины. И безумно радовалась, что здесь есть два моих самых любимых продукта: картофель и томаты. Значит, жить можно!

После того, как трапеза была закончена, мы быстренько прибрались, и я приволокла из холодной пещеры торт и сгущёнку. Велела Сибилле положить поближе к очагу сливочное масло, чтобы оно подтаяло.

Размотала полотенца, в которых хранились коржи. Часть из них всё же прилипла к ткани, но я собрала эти кусочки и прилепила их обратно: в готовом торте никто ничего не заметит.

Потом спросила у Сибиллы:

— А у вас сметана есть? — но та сделала удивлённое лицо. — Ну, сливки у вас прокисают? Бывает такое?

— Нет, — обрадовала она меня. — Такого не бывает! Мы сразу всё съедаем. А вот молоко, бывает, прокисает. Принести?

— Неси! — вздохнула я, втайне надеясь, что хоть простокваша у них не будет сильно жидкая.

Сибилла принесла густую простоквашу, в которой ложка стояла. Слава Богу! Видимо, сливки с этого молока не снимали. Хотя, я девочка городская и об изготовлении кисломолочки знала только из лекций по технологии в колледже.

В большой миске пришлось смешать простоквашу и сгущённое молоко в равных пропорциях. Потом добавила размячённое сливочное масло и принялась активно взбивать.

Если бы я готовила крем для «Молочной девочки» дома, то я бы сделала мой любимый — заварной молочный. Во-первых, он недорогой. Во-вторых — он отлично пропитывает коржи и даёт нежный молочный вкус, без сметанной кислинки. В голове тут же всплыл рецепт из моей тетрадки.

«В кастрюльке с толстым дном доводим поллитра молока до кипения, и потом отставляем в сторону. Важно его не кипятить! Если есть ванильный стручок — то помещаем в горячее молоко и оставляем там. Потом соединяем два яйца, 100 грамм сахара и 30 грамм кукурузного крахмала в одной миске и хорошенько размешиваем. Затем горячее молоко вливаем в яичную смесь, перемешиваем. Переливаем в кастрюльку из-под молока и снова ставим на средний огонь. Вот тут важно следить и никуда не отходить! Мешаем крем, пока он не загустеет. Всё!»

А, ну в горячий крем я ещё кидаю 50 грамм сливочного масла, чтобы он стал стабильнее. Я почти воочию видела, как холодные кубики тают в тягучей молочной массе, и мотнула головой.

Нет больше моей любимой кухни, и нет учебной в колледже, где был классный тестомес и мощный блендер. Тут есть средневековый венчик и мои руки, которые, пока я замечталась, уже устали вымешивать сгущёнку с простоквашей.

Заварной крем, который я делала для этого торта раньше, нужно было накрыть плёнкой «в контакт» и оставить на ночь в холодильнике дозревать. И тогда свой торт я бы собирала уже завтра. А вот крем на сгущёнке таких тонкостей не требовал: им можно было пропитывать коржи здесь и сейчас.

— Сибилла, а у тебя есть ненужная кастрюлька? — спохватилась я. Где же мне собирать торт? Ни кондитерского кольца, ни ацетатной плёнки у меня не было...

— Что значит, ненужная? — удивилась кухарка.

— Это значит, что у неё не жалко отпилить дно и оставить только кольцо из стенок! — пояснила я, с надеждой глядя на Сибиллу.

Лицо у неё вытянулось, глаза в ужасе раскрылись до огромных размеров:

— Ты чего это удумала — кастрюли пилить! Нет, конечно! Не дам я тебе никакую кастрюлю!

Я вздохнула.

— Тогда дай мне кастрюлю вот от этой крышки, — и я показала ей ту самую, которой размечала размер коржей на противне.

— А ты её пилить не будешь? — с опаской спросила Сибилла, а Рыжий Хэл на заднем фоне отчётливо хрюкнул.

— Нет! Я в ней торт соберу!

Сибилла, кряхтя и ворча о «всяких возмнивших о себе девчонках», выдала кастрюлю и опасно покосилась на меня. Я же, помня о том, что коржи от торта очень нежные, постелила на дно кастрюли одно из полотенец — чтобы потом легко оттуда вытащить своё изделие.

На полотенце положила корж, потом ложкой налила крем, разровняла. Потом снова в ход пошёл корж, и опять налила на него крем и разровняла. Все коржи, один за одним, как

раз поместились в кастрюлю, и я накрыла её крышкой. Отлично. Никто даже и не подумает, что там торт.

Накинула платок, вышла на улицу и как следует запрятала кастрюльку среди разной снеди в пещерном холодильнике. Теперь можно и отдохнуть.

Хотя — одна мысль не давала мне покоя. И я, прислушавшись, решила, что замок притих. Может быть, все ушли на послеобеденный сон или прогулку?

Мне срочно нужно было рассмотреть посуду в большом зале — потому что важно было не только испечь торт, но и красиво его подать. Этому нас ещё на первом курсе учили преподаватели. Люди едят не только ртом, но и глазами.

На цыпочках заглянув в столовую залу, я остолбенела: красавица Бри нервно переставляла предметы на каминной полке. Вазу с сухоцветами, подсвечники, вышитую салфеточку и маленькие фарфоровые статуэтки танцующих лисиц. Выставив все эти вещицы в идеальной симметрии, она недовольно поправила коврик из меховой шкуры перед камином, а потом подвинула кресла.

Женщины-уборщицы из деревни уже ушли, и, видимо, хозяйка наводила лоск в замке. Пожав плечами, я повернулась, чтобы уйти, и увидела лорда Роба, который с интересом следил за нами обеими.

— Что вы тут делаете? — спросил он, а я потупила глаза.

— Я хотела посмотреть посуду в шкафу, на которой можно подать мой торт. Сэр, — и я подняла на него глаза. Зря я это сделала, потому что блестящие глаза Роба и его лёгкая ухмылка буквально выбили воздух из груди. Нет, я так не играю!

— Лучше не трогать сейчас леди Бри, — насмешливо произнёс Роб и взял меня за локоть. — Приходите попозже, и я даже смогу проводить вас сам.

— Спасибо, не надо, — выхватила я руку и отвернулась. — Но у меня есть одна просьба.

— Какая? — изогнул он бровь.

— Могу я попросить кого-то из мужчин замка сходить со мной в лес? Мне нужна помощь, сама я не справлюсь. Кажется, я придумала, как решить проблему с сахаром. Если получится!

— Я сам схожу с вами, — сказал он. — Мне полезно иногда пройтись пешком и дать отдохнуть лошади.

— Разве это удобно? Если я попрошу вас о помощи, то люди подумают, что знатному лорду не пристало якшаться с прислугой, — удивилась я.

— Если слушать всё, что говорят обо мне люди, то можно просто утопиться в море и избавиться всех от моего присутствия.

Роб как-то невесело рассмеялся и добавил:

— Нужно взять что-то особое с собой? Ну, кроме одежды бедняка и маски, закрывающей лицо?

Я звонко рассмеялась и покраснела. Шутник.

— Я всё возьму сама. Только оденусь потеплее!

Глава 9

Быстро забежав в свою комнату, я натянула любимые джинсы под юбку, надела сверху свитер и завязала на груди клетчатый плед крест-накрест. Мне было важно, чтобы руки были свободные и ничего не мешало движению.

Дыхание сбилось, и я, дрожа от предвкушения, побежала к чёрному входу кухни. Найдя на полке самый тонкий и острый нож, я взяла с собой металлическое ведёрко, которое Сибилла использовала под молоко. Теперь можно отправляться.

Лорд Роб уже ждал на улице, прогуливаясь вперёд-назад. Его руки были сложены за спиной, тёмные каштановые кудри спускались на бархатный воротник. Ровная спина, мускулистые ноги под обтягивающими кожаными лосинами, аккуратный зад. Я втянула носом воздух и закрыла глаза, считая до трех. Когда в голове прояснилось, шагнула к нему и быстро пошла вперёд.

Самый первый урок был усвоен ещё в тот день, когда в кофейне я по глупости растопила пластиковый контейнер с глазурью. Не засматриваться на красавчиков!

Я быстро шла, не оглядываясь на лорда. Успеваешь ли за мной? Он должен знать этот лес как свои пять пальцев, поэтому заблудиться нам не грозит.

Природа, как всегда, вселила в меня надежду и беспричинную радость. Красно-жёлтые клёны, дубы цвета охры, тёмно-зелёные сосны радостно махали ветвями и устлали тропинку сухими листьями и иглами. На пеньках рос зелёный мох, кое-где приветливо проглядывали грибы. Но мне было не до них. Я упрямо шла вперёд, ведомая каким-то неизвестным чутьём, помогающим ориентироваться в пространстве.

Вот здесь надо свернуть и углубиться в лес. Вот ветка, которую в прошлый раз я сломала своим башмаком.

— Джейн? Ты куда? — всполошился сзади Роберт. — Ты точно знаешь, куда идёшь?

Я обернулась назад и удивлённо заметила у него неуверенный взгляд и растерянность.

— Мы же совсем недалеко от замка! Чего нам бояться? — спросила его, чувствуя подвох и какое-то скрытое замешательство.

— Да, мы недалеко, но я... плохо знаю этот лес, — признался он.

Я живо вспомнила нашу встречу в лесу, замотанные копыта его лошадей, длинную дорогу в ночи и позволила себе усомниться в его словах.

— Это же ваш лес... разве нет? — подозрительно спросила я.

— Мой... и я мальчиком часто в нём играл. Но потом... слишком долго здесь не был, вот и отвык, — растерянно сказал он.

— Я помню дорогу, идёмте! — уверенно махнула я, продолжая размышлять над его признанием. Он окончательно меня запутал.

Остаток пути мы шли молча. Когда пришли к дереву, которое меня в прошлый раз заинтересовало, я осторожно опустилась на колени и подёрнула стрелу, которая была по-прежнему воткнута в ствол на уровне моей поясницы.

— Лорд Роберт... помогите вытащить стрелу, пожалуйста! — попросила я, и он, крепко ухватившись пальцами за древко, выдернул её и неловко отшатнулся.

Из дыры, проткнувшей кору и ствол, начал сочиться древесный сок. Тогда я переложила нож из левой руки в правую и аккуратно увеличила дырочку, пробуравив её до самой середины ствола.

Оттуда ручейком побежала жёлтая жидкость. Я быстро подставила ведро и принялась ждать. Роберт за моей спиной шумно дышал в затылок и всячески выказывал нетерпение.

— Что ты делаешь? — спросил он.

Вместо ответа я зачерпнула пальцем густую струйку и поднесла к его рту.

— Попробуйте, — пробормотала я. Он обхватил губами мой палец, и его глаза удивлённо раскрылись. Я же поторопилась убрать руку, потому что почувствовала всё возрастающую неловкость.

— Сладко! — проговорил он и сунул в струйку уже свой палец. — Что это?

Я подняла голову вверх, указав на резные листья ярко-оранжевого цвета:

— Это кленовый сок! Из него делают сладкий кленовый сироп и даже кленовый сахар!

— Сахар?! — удивился он. — И ты умеешь его делать?

— Нет, не умею. Но обязательно попробую! — рассмеялась я. — Но даже если не получится, мы всё равно сможем лакомиться кленовым сиропом. Вкусно же!

Роберт улыбнулся и огляделся вокруг.

— У нас же тут сотни клёнов! — обрадовался он. — Надо же, никогда не думал, что у них есть сок, и что его можно пить!

Меж тем я наполнила ведро на одну четверть и посчитала, что с одного дерева достаточно. Только вот я не подумала, чем закрыть дырочку. Пришлось придумывать на ходу и затыкать палочкой.

— На сегодня достаточно. Я попробую из этого сделать сахар, и, если получится, то вернёмся за соком ещё!

— Джейн, откуда ты столько знаешь? — приступил к расспросам лорд. — Я никогда ещё не встречал таких любознательных поломок.

— Просто я не полумойка, это же очевидно! — рассмеялась я и начала его задирать. — Какой же вы лорд, если не видите этого!

Роберт замолчал. Потом сказал:

— Я лорд не так давно, — осторожно признался он. — На самом деле у нас тут всё... сложно.

— А почему не так давно? Разве это не ваш родовой замок? — продолжила я расспросы.

— Мой. Родовой. Просто я давно тут не жил, а воспитывался в столице. В Королевской школе, — пояснил Роберт, и мне стало чуточку понятнее.

— Ну, это нормально, получать образование и уезжать из дома. Хорошо, что вы вернулись — а то замок явно нуждается в хозяйской руке.

— Поэтому я и привёз леди Бри. Она тут всё приведёт в порядок.

Вот уж не слышала большей глупости! Эта замороженная курица? Наведёт порядок? Да она только и годится на то, чтобы подсвечники на каминной полке переставлять.

— А кто она — леди Бри? — совсем осмелела я.

— А не много ли ты вопросов задаёшь? — хитро спросил Роберт и двумя пальцами схватил меня за нос. — Не суй свой веснушчатый носик, куда не следует. Откусят!

Его тон был таков, будто он дразнил младшую сестрёнку. От обиды я вся покраснела и сморщилась. Демонстративно отвернувшись, зашагала скорее, размахивая драгоценным ведёрком. Больно надо! Мне бы тут сладким разжиться, да перестать полы драить, потому что я это дело ой как не люблю. И всё!

В полном молчании мы дошли до замка, и каждый пошёл в свою сторону. Я — на кухню, а лорд — к парадному входу.

Внутри пахло выпечкой. Ровными румяными рядами на столешнице остывали пирожки. Схватив один, когда Сибилла отвернулась, я чуть не подавилась, но всё равно запихнула целую половину в рот. Мммм, пирожок с картошкой! Восхитительное пуховое пюре с поджаренным луком и тонким тестом, смазанным яйцом. Боги, как же это вкусно! Сибилла — настоящий профи во всём, что касается теста! И не лень же ей ещё возиться с этим по полдня!

Увидев, как вокруг рабочего стола всё усыпано мукой и очистками от картошки, я схватила метлу и принялась наводить порядок. Всё же должностные обязанности никто не отменял!

Попутно заглянула в котёл — там варилась чья-то огромная нога. Оленья? Говяжья? в котелке поменьше кипела вода, и в ней плавали маленькие красные ягодки, похожие на бруснику, а ещё дольки лимона и веточка чего-то зелёного и пряного. Пахло вкусно!

На большом противне неподалёку от пирожков охлаждались кубики запечённой тыквы, посыпанные какими-то травами и перцем. Ужин обещал быть шикарным!

Быстро освежив полы намотанной на швабру мокрой тряпкой, я помыла руки и приготовилась готовить. Перелила кленовый сок в чистый горшок и поставила выпариваться в печку. Вроде бы кленовый сироп варится просто — важно просто загустить его, убрав лишнюю влагу при кипячении. В памяти откуда-то всплыла картинка, где канадцы прямо на поляне возле опушки леса ставили гигантские котлы, куда заливали свежесобранный сок, и на кострах выпаривали, закатывая загустевшие сиропы в банки. Фильм, что ли, я какой-то смотрела?

Схватив с полки песочные часы, быстро их перевернула, чтобы не забыть про сироп. У меня на него был свой план.

— Ты смотрела свой торт? — Сибилла, которая разрывалась между котлом с ногой и морковью, которую натирала на тёрке, с любопытством наблюдала за моими манипуляциями.

— Ещё нет. Пусть пока немного постоит, — отмахнулась я, гипнотизируя песочные часы.

Важно было не передержать сироп, иначе он перекипит и станет непригодным для моих целей. Поэтому я уже трижды доставала горшок и проверяла лакомство на густоту.

В конце концов, когда его консистенция достигла тягучести, как у густого липового мёда, я достала горшок, и, обжигая пальцы, водрузила на деревянный стол. Работа с сиропами и карамелью — очень опасна. Один раз я капнула расклённым сиропом себе на палец, и ощущение было такое, что я прожгла на себе мясо до кости. Ожог заживал очень долго, и первую неделю я жила только на обезболивающих. С тех пор усвоила, что рядом с сахарными сиропами не место рукожопости. Поэтому надо сосредоточиться.

Когда сладкое варево чуть остыло, я перелила половину в противень с высокими бортами. Из этой части я буду пробовать делать сахар. Надо будет полностью хорошенько накипятить его, и тогда останется только леденцовая карамель.

Вторую половину сиропа я оставила в горшке, и вновь разделила на две части. Одну поставила вновь на печь — закипать, а во вторую часть добавила кусочек сливочного масла и немного сливок. Размешала, осторожно попробовала на вкус. Добавила несколько крупных кристаллов морской соли.

Сибилла всё это время работала на меня как медсестра при операционном столе. Сливки. Масло. Соль. Чашка. Споро и ловко она доставала то, что я просила, и в конце тоже приложилась к ложечке с карамелью.

— Это восхитительно! — оценила она. — Лучше, чем твоё густое молоко!

Я разулыбалась. Конечно, лучше!

— Это солёная карамель. Соль здесь нужна для того, чтобы оттенить сладость. Иначе она не раскроется как следует.

Сибилла кивнула и ещё раз зачерпнула ложкой лакомство.

— Когда была жива мать его светлости, лорда Роберта, то в этом доме часто подавали десерты. Но таких вкусных я не помню! — похвалила она меня.

— А давно она умерла?

— Очень давно. Лорду не было ещё и десяти лет. Ой, смотри, у тебя тут кипит!

Я увидела, что вторая часть сиропа пускает большие пузыри и плюётся, и крикнула Сибилле:

— стакан с холодной водой!

Та быстро принесла требуемое и я, осторожно окунув ложку в кипящий сироп, капнула им в холодную воду. Капля растеклась по воде и медленно осела на дно. Рано.

Подождав ещё минут пять, проделала то же самое. Капля вроде бы превратилась в шарик, но потом всё равно опустилась на дно и растворилась.

Как же мне не хватало кухонного термометра! С ним я могла быть уверена, что сироп готов.

— Сибилла, смажь чистый противень маслом! Скорее!

Та, как верный солдат, быстро выполнила требуемое.

Я зачерпнула ложкой сладкую массу в третий раз и теперь, соприкоснувшись с холодной водой, капля приняла форму шара и опустилась на дно. Я ткнула в неё ложкой и убедилась, что шарик твёрдый и похож на стекло. Готово!

— Что ты там проверяешь? — спросила Сибилла.

— Шарик сиропа должен стать твёрдым — тогда наши леденцы готовы, — пояснила я.

А потом прикрыла один глаз, зачерпнула половником кипящую карамель и жестом художника начала выписывать на маслянистом противне замысловатые узоры. Сделала красивое сердце и карамельные кружева. Потом, вдохновившись, вывела заглавную букву «Р». Красиво! Остатки карамели вылила неровными кругляшами и оставила на воздухе застывать.

И только потом торжественно попросила Сибиллу:

— Неси торт!

И та, преисполнившись гордости, ушла за кастрюлей. Я же тем временем проверяла свой недавний ожог — кожа была красной и начала шелушиться. Смазала предплечье сливочным маслом и спрятала в рукав.

Я перевернула кастрюльку на поднос и, постучав по днищу, стала осторожно поднимать. Вместе с Сибиллой мы внимательно следили за тем, как торт выскользывает из своей тары. И — удивительное дело — ничего не отвалилось, не раскрошилось и даже не упало! Я выдохнула и убрала полотенце, которое стелила на дно вместо пергаментной бумаги.

Дно торта было неровным и некрасивым. И я, проклиная леди Бри, которая помешала мне взять красивое блюдо для торта, решила, что подам его на деревянной доске. Придирчиво выбрав тонкую ровную дощечку, я поставила её на верх торта и снова перевернула. Вот теперь верх мне нравится!

Торт получился нежно-кремового цвета — в честь медовой сгущёнки. Он и пах, как медовик. Сибилла разве только в ладоши не хлопала, кружась возле него.

— А у тебя есть медовые соты? Кусками? — выпалила я, наливаясь восторгом от пришедшей в голову идеи.

— Есть! — сказала она и вышла из кухни. Я же пока приступила к украшению торта.

Вооружившись глубокой ложкой, зачерпнула солёную кленовую карамель и осторожно сделала потёки по краю торта. Густой соус красивыми каплями стекал по охлаждённым бокам, покрывая ровные коржи и тонкие прослойки крема. Остатки вылила на середину верхушки и разровняла по поверхности.

Тут явилась Сибилла с куском медовых сот. Я неровно отломила край и воткнула в центр торта. Сзади пристроила леденцовое сердечко и букву «Р». А остатки карамели вставила в коржи остриями вверх, и получилась красивая абстракция.

Ну что ж, если отойти на несколько шагов и полюбоваться издали на моё творение, то получается очень красиво. Потом в голову пришла новая мысль, и я метнулась к горшкам с зеленью. Сорвав веточку мяты, я воткнула её возле медовых сот и теперь точно была довольна.

— Всё! Торт готов! — объявила я.

В кухню вошёл Фрэнк. Он был при параде, чопорен и официален. Но при виде торта остановился, открыв рот.

— Что это? — спросил он.

— Это торт! — нетерпеливо проговорила я, поражаясь, что они тут никогда такого не видели. Как так можно жить?

— Это сладкое? — уточнил он, поводя носом и учуяв нежный медовый аромат.

— Да! Нужно будет нарезать на кусочки вот так. А украшения снять и положить каждому в тарелку. И скажи, что это я пекла. Они поймут.

— Хорошо, — кивнул Фрэнк, и мне даже показалось, что украдкой облизнулся.

Конечно, торт был кривоват и довольно слабо украшен. Мне бы за него даже тройки в колледже не поставили. Но! Попробовал бы кто на курсе сварганить торт в мире без сахара. Ха!

Пока Фрэнк таскал из столовой подносы с остатками трапезы, я помогала Сибилле заваривать травяной чай. Захотелось проявить немного творчества, и я добавила в чайник клюкву, мяту, сушёный зверобой. Пусть будет богатый вкус, который оттенит мой торт!

Полная гордости и осознанием того, что я смогла наполнить мир сладкими вкусами и открыть перед здешними людьми новые горизонты, я пошла спать. Неспешно разделась, сменила рубашку на чистую, которую Сибилла оставила на моей кровати. Открыла окно, чтобы проветрить комнату. Подышала сырым вечерним воздухом, потом снова закрыла.

Так хотелось почитать книжку, или посмотреть сериал. Остро не хватало чего-то, чем бы можно было занять свой мозг. Я подумала о том, что надо бы попросить бумагу и начать записывать рецепты по памяти, пока я их ещё помнила. А то кроме сахара придётся изобретать ещё и это.

Устало потянулась и побрела к кровати. Одинокая свечка слабо мерцала в темноте. Засмотревшись на пламя, я обо что-то больно ударилась мизинцем на ноге и запрыгала, прикусив губу, чтобы не заорать. Чёрт, как же больно! Ммммммм, — мычала я. На глазах выступили слёзы.

Опустившись на колени, я охнула. Я и забыла, что меня ждёт сундучок, который я в порыве усталости запихнула под кровать и благополучно забыла. Я же так и не посмотрела, что там внутри! А вдруг там уже всё начало гнить и пропало в солёной воде?

Я подёргала маленький амбарный замочек и разочарованно вздохнула. Надо же, какой крепкий. Чем бы его поддеть? Я схватила со стола свечу, чтобы поближе рассмотреть, и поднесла к замку. Взяв его в левую ладошку, осветила пламенем и загрузила.

— Ну, откройся, что ли, — с досадой произнесла я, отчаянно желая, чтобы мне не пришлось возиться с механизмом или ломать ногти о металл. И тут — о чудо! — раздался еле слышный щелчок и металлическая дуга вышла из своего паза. Свеча моргнула и погасла.

Глава 10

В полной темноте я выглянула в коридор и добрела до ближайшего факела. Вновь зажгла от него свечу и вернулась в комнату, поплотнее прикрыв дверь.

Из открытого сундучка пахло затхлостью и сыростью. На ощупь дерево уже не было мокрым, но белёсые разводы соли были видны и с внешней, и с внутренней стороны полукруглой крышки.

Сундук доверху был заполнен свёртками. Чтобы разглядеть их, мне пришлось пониже поднести свечу, но это ничего мне не дало. Я вытащила первые два свёртка и стала тут же, на каменном полу, застеленном грубой циновкой, разворачивать их. Внутри что-то звякнуло.

В толстую промасленную кожу были завернуты множество склянок с порошками. На крышках были какие-то надписи на незнакомом языке, и я было расстроилась, но потом сердце пропустило один удар, и другой... Что-то знакомое почудилось в тёмных зёрнышках, пересыпающихся в стеклянном пузырьке. Чёрный кунжут! Лучшее украшение для восточных блюд - лепёшек, азиатской лапши и прочих изысков. Он очень полезен, и им издревле посыпали выпечку.

Руки затряслись, и я взяла соседний пузырёк. Там с сухим шелестом перекатывались зёрнышки кориандра! Он незаменим для имбирных пряников и рождественской выпечки! Боже мой, неужели в мои руки попал сундучок с пряностями? Я стала перебирать склянки и узнала гвоздику и кардамон, жёлтую куркуму и молотый имбирь, звёздчатый анис и продолговатый тмин. Все склянки были плотно закрыты цилиндрическими крышками из пробкового дерева, и ценные порошки внутри были сухими.

Во втором свёртке хранились продолговатые палочки корицы, связанные тонкой бечёвкой в пучки по три-четыре штуки. Вот откуда тонкий коричный аромат, который преследовал меня сразу после кораблекрушения! Если палочки намокали, то не растеряли ли они свой неземной аромат?

В третьем свёртке я обнаружила целых пять мускатных орехов в скорлупе. Втянула носом воздух - волшебный аромат! Эту приправу я обожала добавлять в тесто - он придаёт выпечке совершенно потрясающее звучание!словно дорогой десерт "от кутюр".

Дальше в каждом свёртке шли сушёные стручки перца чили, светло-жёлтые стебли сухого лемонграсса, источающие волшебный аромат, тёмно-зелёные листья карри. В отдельном свёртке бережно хранились стручки ванили. Это же целое богатство! Лучшего подарка судьба не могла мне подарить.

Но самое главное чудо ждало меня на дне сундука. В шесть свёртков были упакованы бобы какао. О Боги! Спасибо, спасибо, спасибо!

Я скакала по комнате, как сумасшедшая. Я завоюю этот мир! Он падёт под натиском шоколада и десертов! Я открою людям столько вкусов, что им и не снилось!

Сердце стучало громко-громко от радости. А потом на смену ей пришёл страх. По меркам Королевства Эл, где даже сахар - слишком дорогое удовольствие, в моём сундуке хранилось целое состояние. Как его сохранить в комнате, где даже дверь не запирается?

Задумавшись, я не сразу сообразила, что слышу какие-то странные звуки. Что это? Вой?

Метнувшись к окну, распахнула его и в свете Луны увидела, как на опушке леса стоит Рыжик и смотрит прямо мне в лицо. Хотя... разве лисы воют? Показалось, что Рыжик даже хмыкнул в ответ на мои мысли.

Что ж, если ты снова зовёшь меня - есть причина пойти с тобой.

Только в этот раз я подготовилась. Сгрузив ценные специи и какао в свой шерстяной платок, я завязала его узлом и повесила за спиной, как рюкзак, сделав лямки из пояса. В полег-

чавший сундук я сложила промасленную кожу и взяла его в руки. Так-то лучше, теперь я точно всё донесу.

Осторожно спускаясь с лестницы, тихо молилась всем богам, чтобы не дали мне споткнуться и разбудить весь замок. Или встретить кого-нибудь. О том, что ждало меня в тёмном лесу, старалась не думать. Всё потом.

Благополучно выбравшись из дома через чёрный ход на кухне, я поспешила к лесу. Стеклянные банки смешно постукивали за спиной, а деревянный сундук уже начал оттягивать руки. Поздно вспомнила, что не взяла с собой никакой лопаты - даже ножа кухонного прихватить не догадалась. Ну что за растяпа! Ногтями я землю рыть буду, что ли?

Рыжик, будто и правда только меня и ждал, вильнул хвостом и умчался в лес, а я припустила за ним. Тёмные ветви будто услужливо расступились, и в неверном свете Луны стала видна ровная тропинка. Она вела меня вглубь леса, но тот будто бы был прозрачным и совершенно не вызывал страха. Сквозь макушки деревьев было видно звёздное небо, а прохладный ветерок обдувал моё разгорячённое лицо. Это была невероятно тёплая ночь - будто бы лето на минутку вернулось и обдало осенний лес своим теплом.

Рыжик махал впереди своим хвостом, и я, не упуская из вида белый пушистый кончик, двигалась вперёд. Будто бы исподволь запоминала дорогу. Вот здесь - большой валун в форме человеческой головы, а вот здесь на повороте тропинки - большие корни сосны, выступающей из земли, а за ними сразу крутой спуск. У подножия холма, с которого я спустилась, слышался шум волн. Река? Но обдумывать было некогда, потому что я увидела то, что искала.

В большом валуне, который намертво врос в склон холма, поросшего лесом, виднелась глубокая дыра, похожая на пещеру. Я примерила туда сундучок, и он поместился в неё полностью.

Осторожно спустив с плеч драгоценный узелок, я достала какао-бобы и переложила их на самое дно, надёжно закутав в кожу. Потом задумчиво перебрала пузырьки и оставила себе тот, что с корицей. Потом, немного подумав, добавила к нему кардамон и чёрный кунжут. Сложила их за корсаж, поёжившись от холода, и остальное плотно утрамбовала в сундук. Идеально.

После того, как сундук оказался в пещерке, я прикрыла его ветками, валявшимися неподалёку, и замела свои следы. Внимательно оглядевшись, запомнила окружающее пространство.

И только после этого вдруг осознала, что я ночью одна, в тёмном чужом лесу.

“Вот ты как всегда! Сперва делаешь, а потом думаешь! Шляешься неизвестно где по ночам. Лес в чужом мире! Ты ничего получше придумать не могла?” - в голове отчётливо прозвучал мамин голос. И меня пробрала дрожь.захотелось припустить отсюда со всех ног, да вот только подниматься в гору не хотелось. Уже готовая заорать от ужаса, я вдруг услышала рядом шумное дыхание и недовольное фырканье. Мокрый лисий нос ткнулся мне в руку и разом успокоил. Я не одна, я с другом, мама!

Потрепав Рыжика за холку, я выдохнула и огляделась. Вновь услышав шум воды, я замерла. Вода будто бы вздыхала, а потом затихала, и потом опять повторяла свой цикл вдохов и выдохов. Я пошла на звук, чтобы проверить, правильно ли я расслышала. Но увиденное повергло меня в шок.

Прямо за деревьями начинался большой обрыв. Песчаный край провалился далеко вниз, обнажая мощные столетние корни. А сразу за обрывом начинался песчаный пляж. А за пляжем - море!

Это его волны накатывали на берег с лёгкими вздохами, и стонали, и добавляли воздуху лёгкой вибрации. Но как такое может быть?

— Рыжик, как море может быть так близко от замка? Я же уезжала от побережья, и два дня пути точно проехала! Выходит, что мы на большом острове?

Рыжик промолчал и молча припустил вперёд, показывая тропинку, по которой можно безопасно спуститься вниз. Я поспешила за ним следом и уже через пять минут окунала руку в пенистую волну.

Вода была холодная. Между пальцами шелковисто проплыла какая-то водоросль, и я поморщилась от омерзения.

Над горизонтом висела круглая жёлтая Луна. Она освещала серебристую дорожку на волнах, и я почувствовала, как расслабляюсь. И тёмный лес, и Луна, и это близкое море перестали быть страшными и незнакомыми. Рыжик бегал туда-сюда, пробуя воду на вкус, и смешно уворачивался от солёных брызг.

Я сидела на выбеленной временем и волнами коряге и любовалась горизонтом. Это просто чудо какое-то - возле замка и мой любимый лес, и море, и бездонное небо! Как сильно всё это отличается от пыльного города с сумасшедшим движением и массовым психозом!

Как водится, я пропустила момент, когда над горизонтом из лунной дорожки материализовалась фигура с седыми длинными волосами и высоким посохом. Огонь, горевший в фиолетовых глазах, становился всё ярче и ярче по мере приближения ко мне. Я же сидела, охваченная непонятным трепетом и будто бы скованная неведомой силой, и не смела пошевелиться.

Фиолетовые глаза заглядывали прямо в душу, словно сканируя мой разум и выискивая там что-то, понятное только самому призрачному существу. Оно остановилось в двух шагах от меня и зависло над землей, не отводя странных глаз. Протянув прозрачную руку, оно задержало её на высоте моего лица. Я подняла свою ладонь и дотронулась пальцем до этой руки.

Ток пронзил меня от кончика пальца до макушки, а потом устремился в пятки. Ладонь засветилась, и я зачарованно уставилась на горящие фиолетовым огнём пальцы. Рыжик, который беспокойно бегал по берегу, в это время неподвижно сидел у моих ног и преданно смотрел на фигуру.

Рука призрака поднесла мою ладонь ко рту и дунула на неё, и прямо над моей ладонью расцвело фиолетовое пламя. Оно не обжигало, а ощущалось как тёплый воздух, обдувающий кожу. Приятный и безопасный.

Вторая рука призрака подхватила мою рыжую кудряшку и пропустила меж пальцев. Прядь тоже засветилась, но уже рыжим золотым огнём. Лицо призрака расплылось в улыбке и приобрело явные женские черты.

— Добро пожаловать, дитя, - прошепестел потусторонний голос в моей голове. А потом произошло необъяснимое: призрак вдруг воплотился в женщину с очень белой кожей, длинными седыми волосами и фиалковыми глазами. Возле её ног лежал белый посох из полированного дерева, а Рыжик натуральным образом заскулил, как преданная собака, и потёрся о её ноги. Предатель!

— Здравствуйте, - пролепетала я и слотнула ком в горле.

— Теперь и ты можешь зажигать фиолетовый огонь, - улыбнулась женщина, и я заметила в её ушах серьги в форме полумесяца. Они качнулись, пустив серебристые зайчики на её плечи. - Только храни это в тайне и не показывай любопытным. Здесь за такое умение можно заплатить жизнью.

— Поэтому Сибилла так испугалась, когда я его увидела в первый раз?

Вместо ответа женщина кивнула.

— Кто вы? - спросила я и удивилась, что в сердце совсем нет страха. Только любопытство и ощущение, что я очень скучала.

— Я старейшина Рода Маклейнов, - представилась женщина и прикрыла мне рот, когда я приготовилась тоже произнести своё имя.

— Я знаю, кто ты, дитя. А вот ты пока сама не знаешь. Не называй мне своего вымышленного имени, в этом нет нужды.

Я хватанула ртом воздух и замолчала.

— А кто я? - только и смогла выдавить я.

— Узнаешь в своё время. А пока ты та, кто принесёт новую жизнь в эти суровые края. Ты уже видела, какие дары наше море приготовило для тебя?

Я помахала головой, удивлённо разглядывая мокрый песок.

— Вглядишься! Ты единственная знаешь, что с этим делать.

Внезапно фиолетовый огонь её глаз погас, а через мгновение и вся фигура растаяла в прохладном ночном воздухе. Там, где лежал её посох, осталась длинная выемка в сыром песке.

Возле неё я заметила шарик ажурных морских водорослей. Я разглядывала его, смутно припоминая, что где-то уже видела их. На минуту пожалела, что нет никакого источника света, чтобы поподробнее рассмотреть. В ту же секунду кожу ладони обдало знакомое тепло и я с удивлением увидела фиолетовый огонёк на своей ладони. Поднеся к нему кружевной шарик, я, наконец, поняла, что это.

— Анфельция!

Радостная дрожь пробежала по телу, даря ощущение праздника. Это невероятно! Мне всё больше казалось, что жизнь удивительным образом готовила меня к тому, чтобы закинуть в это Богом забытое Королевство. Миллионы человек в мире ничего не знают про анфельцию, и пройдут мимо, не понимая, какое чудесное сокровище она собой представляет.

Я же специально изучала её и даже писала курсовую, которую защитила на отлично. Тема водорослей меня тогда сильно увлекла и я даже специально ходила в музей, где подробно рассматривала, как она выглядит в свежем и сушёном виде. И сейчас мне хотелось петь и танцевать от радости. Сколько всего я смогу приготовить с её помощью!

Захлопнув ладонь, я погасила фиолетовый огонёк и вновь осталась в чёрно-белом мире. Но теперь он уже не казался мне чужим, а стал родным и знакомым, исполняющим самые заветные желания и способным на чудеса.

У меня был Рыжик, был сундук с драгоценными специями, был фиолетовый магический огонь и анфельция! Это больше, чем все подарки родного мира, которые я получила от него за двадцать с лишним лет. Я будто бы уехала из детского дома и попала в свой родной, отчий дом. На сердце было легко и приятно.

Остаток ночи я провела, собирая анфельцию в свой платок, в котором тащила сюда банки и склянки. С морских даров капало, я то и дело вытряхивала воду и прикидывала, что на спине узел больше не понесу - промокну. Наконец, набрав полный тюк, я решила, что пора идти домой.

Решив поозорничать, я раскрыла ладошку и представила на ней фиолетовый огонёк. Получилось! Он ровно горел в двух сантиметров выше от кожи и легонько грел кожу.

— Хочу домой! - скомандовала я, и огонёк соскочил с руки и полетел вперёд, невысоко поднимаясь над тропинкой. Я последовала за ним. Рядом трусил Рыжик, не очень довольный происходящим. Конечно, роль проводника теперь принадлежала не только ему.

— Не переживай, Рыжик! - болтала я с ним по пути, неся на вытянутой руке мокрый шерстяной узел. - У меня для тебя всегда найдётся и косточка, и вкусный кусочек сыра. Ты только прибегай почаще!

Повернув голову вбок и вниз, чтобы увидеть реакцию лиса, я не заметила, как дорогу преградила огромная ветка. Мой лоб врезался в неё со всей дури и я, клянусь, видела, как из глаз посыпались яркие оранжевые искры. Огонёк погас, а я кулем свалилась на землю и отключилась.

Мне снилось, что вокруг меня водят хороводы те самые женщины, что танцевали вокруг старейшины рода Маклейнов. Они то поднимали, то опускали руки, заставляя воздушную ткань пелерины порхать возле моего лица. Невнятные голоса, тихое пение. Яркий свет.

Тихо покряхтывая, я распахнула глаза и увидела потолок своей каморки в замке. Я лежала под одеялом в своей ночной рубашке и с распущенными волосами. Голова была пустая

и ясная - как после отличной ночи без сновидений. Хотелось потянуться и заняться зарядкой, чтобы размять мышцы после долгого лежания. В окно заглядывало солнце, и начинался отличный осенний день.

Я разочарованно вздохнула. Перегнулась через деревянный край, заглядывая под кровать. Пусто. Странно.

Неужели и море, и огонёк, и старейшина Рода - это всё сон? Может быть так, что я начинаю путать реальность с явью?

Я ощупала волосы - они были мягкие и пушистые. На мне не было ни джинсов, ни шерстяных чулок. Даже корсет был снят. Когда я успела так тщательно раздеться?

Шастая по ночам, я привыкла спать в полной боевой готовности. Мало ли кто вломится в мою каморку, где на двери нет даже самой простенькой щеколды? А сейчас всё выглядело так, будто я сама сошла с ума.

Я вздохнула и перевернулась на бок, решив доспать ещё немного. Вдруг мне повезёт и приснится ещё что-то такое же прекрасное, как прошлый сон?

Я прикрыла глаза, но что-то мешало уснуть. Какой-то непонятный зуд. Чесалась ладонь, и я мельком глянула на неё. А потом широко распахнула глаза. На коже разливалось радужное пятно, как на луже с бензином. Что это?

Зажмурившись, я прошептала:

— Хочу фиолетовый огонёк!

И он тут же вспыхнул, озаряя одеяло яркими всполохами. Я издала торжествующий вопль и тут же погасила огонь, зажав его в ладони. Потом посмотрела в угол комнаты и увидела, как от мокрого шерстяного узла в обе стороны разливается мокрая лужа. И от сердца отлегло. Нет, мне не приснилось!

Глава 11

Я приволокла узел с водорослями на кухню и воззрилась на Сибиллу. Та, вся в расстроенных чувствах, месила тесто. Что-то она поздновато, обычно в это время в замке вовсю уже пахло свежей сдобой.

Да и кухарка была не похожа сама на себя. Она выглядела так, будто вот-вот взорвётся, только ткни пальцем. Даже Рыжий Хэл, обычно весело напевающий свою песенку, молча и с остервенением кромсал капусту в специальном деревянном корыте.

Я молча положила свою ношу в таз для мытья посуды и приблизилась к Хэлу, чтобы узнать, что к чему.

— С утра приходила леди Бри и что-то искала на полках с травами. Потом ругалась на чём свет стоит, и велела расставить все банки по цвету содержимого. А Сибилла наша уже привыкла и знает, где что у неё стоит. Вот и поцапались. Леди Бри грозилась её выгнать и нанять более способную кухарку, а Сибилла грозилась подсыпать яду той в еду. Чуть не подрались!

Я вытаращила глаза — чтобы эта замороженная курица леди Бри ругалась и грозилась уволить? Немыслимо!

Но и Сибилле палец в рот не клади! А вдруг и правда подсыпет чего?

Внезапно сзади меня послышалось усиленное пыхтение и я, развернувшись, увидела, что Сибилла прямо-таки избивает тесто руками. Осторожно, на цыпочках, подкралась к ней и заглянула за плечо.

— Сибилла, давай, я его вымешаю? — ласково спросила, тронув пылающую злобой кухарку. Так и помереть недолго, слопав напичканные злобой булочки!

— Ещё чего! Ты иди вон лучше посмотри, как испортила мне годный противень! И чего только я тебе доверилась!

Она мотнула головой на печь и я запоздало вспомнила про противень с леденцовой карамелью из кленового сиропа. Вот чёрт! Не пережгло её там, в печи?

Я подошла и, осторожно лизнув палец, прикоснулась к гладкой стеклянной поверхности цвета янтаря и снова попробовала его на вкус. Ммм, сладко!

Крутанувшись на пятках, я рванула за большим ножом с острым краем и вернулась к противню, пока разгневанная кухарка не видит. Занесла нож над противнем и так долбанула по нему, что треск был слышен, наверное, во всём замке.

— Джейн! — визгливый окрик заставил вздрогнуть. — Ты что делаешь, засранка!

Но я уже рассматривала здоровенный кусок леденца, который откололся от смазанного маслом противня. Поднесла его к глазу и посмотрела сквозь него на красную, как рак, Сибиллу.

— Получилось! Получилось! Получилось! — я скакала по кухне, как сумасшедшая, с куском леденца в руке. — И вовсе я не испортила твой драгоценный противень! Я совершила прорыв! Это же целая дипломная работа, мне бы автоматом пятёрку поставили!

Я отломил кусочек сахарной карамели и дала Сибилле:

— На, наслаждайся и оставь в покое булочки! Хэл! — позвала я бугая, который перестал рубить капусту и с интересом уставился на меня. — Мне нужны твои сильные мужские руки!

Хэл внезапно покраснел и дёрнулся вперёд. Я же, схватив большой каменный пестик и ступку, наломала туда леденца и понесла к поварёнышу-великану.

— Держи! Измельчи, пожалуйста, в песок! — и очаровательно ему улыбнулась. Он ещё сильнее покраснел и отодвинул корыто с капустой.

— Эт я быстро, — довольно пробасил он и принялся за дело.

Сибилла тем временем сидела у стола и зачарованно облизывала небольшой кусочек леденца, прикрыв глаза. Вот сладкое всегда успокаивает женщин! Если ваша половина злится и негодует — бросьте в неё шоколадку или пирожное — и злобная фурия превратится в фею!

Я помыла руки и деловито подошла к тесту. Так соскучилась по этому занятию! Погрузив пальцы в мягкую податливую массу, я вдохнула кислотоватый запах дрожжей и ощутила, как руки сами начинают ласково, но твёрдо мять пухлый кусок.

Подсыпая себе муки, я и не заметила, как от удовольствия начала мурлыкать песенку. Потом оставила тесто отдыхать под полотенцем и принесла с холодной пещеры сливочного масла. Растопила на горячей плите, нашла кисточку для смазывания и приготовила всё это на столе. Потом, не прекращая напевать, взяла длинную толстую скалку и принялась раскатывать тесто в один большой круг. Сильно усердствовать не надо — пусть толщина будет примерно с палец.

Когда пласт был готов, я окунула кисточку в масло и намазала его на всю поверхность теста. Хэл принёс ступку с сахаром, и я, не скупясь, щедро посыпала им гигантский масляный блин. Потом, задумавшись на мгновение, достала из-за корсажа пузырёк с корицей и осторожно посыпала ею поверх масла. Сегодня у нас будут сладкие булочки с корицей!

— Сибилла, а у тебя есть мак?

— Маковые зёрна? Есть, — с готовностью сказала она. Расправившись с леденцом, она с удовольствием следила за моими руками и наслаждалась отдыхом. Потом поднялась, принесла склянку с маком и я щедрой рукой рассыпала его поверх масла, корицы и немного подтаявшего сахара.

Затем осторожно завернула тесто в рулет и попросила нитку. Такие пласты легче всего нарезать именно ею — в противном случае нож будет сминать рулет и ломать форму булочки.

Была и ещё одна хитрость, которой нас научили на курсе — когда ты кладёшь на противень круглую шайбу булочки с корицей, нужно свободный край теста завернуть под изделие. Тогда она не будет плоской, а примет аппетитную пирамидальную форму, и заодно не развалится.

Я так и сделала — ловко подоткнула хвост теста под низ булочек и составила их на противень, приготовленный Сибиллой. Сегодня вместо пресной сдобы будет самое божественное блюдо осени. Моё любимое!

Накрыв это богатство полотенцем, я поставила на стол у печи на расстойку. Минут двадцать оно будет подниматься, а потом можно смело совать в печь.

— Сибилла, дай, пожалуйста, чистую банку для сахара! — попросила я и высыпала туда остатки перетёртого Хэлом леденца. — А ты, наша силушка богатырская, перетри ещё вот эти части. На противне их много!

Спустя минут сорок кухню наполнили восхитительные запахи булочек с корицей. Они приманили в это сердце замка почти всех его обитателей. Первой заявила леди Бри — но сделала вид, что пришла проверять, как исполнили её приказ. Критически осмотрев пустые полки, на которые никто не удосужился составить банки по её классификации, она повернулась, чтобы произнести что-то язвительное и наткнулась на меня с крошечной тарелочкой, где ещё дымилась свежеспечённая булочка с корицей:

— Леди Бри, попробуйте булочку по новому рецепту! Я всё утро помогала Сибилле и, боюсь, что отвлекла её от вашего поручения.

Сделав виноватые глаза и лёгкий реверанс, я впихнула ей в руки булку и увидела Его. Лорд Роберт вошёл в кухню, заметно принохиваясь и улыбаясь так, что на щеках появились ямочки. Я слегка покачнулась, но быстро опомнилась и тут же сервировала ему на столе небольшой перекус: блюдо с булочками, чайничек с чаем и две кружки. Пока я вертелась по кухне, как рыжая юла, он восхищенно произнёс:

— Я не чувствовал запах корицы самой Школы при королевском дворе Эла! Какой божественный запах! Откуда у нас такое богатство?

И он уставился на леди Бри. Она недовольно поморщилась, обнюхивая нетронутую булочку:

— Это вам, господин Роберт, надо спрашивать не у меня. Я думала, что вы, наконец, позволили себе хоть немного роскоши, но теперь вижу, что ошиблась. Очевидно, что спросить надо у слуг.

И она повернулась, чтобы уйти, но наткнулась на меня. В этот момент я зачарованно смотрела, как тёмные глаза лорда Роберта светлеют от удовольствия, становясь орехово-зелёными, и он с восхищением смотрит на мою булочку.

— Челюсть подними, — отрезвляюще сказала она, понизив голос, чтобы её слышала только я. — Ты, кажется, думаешь не о том. Наш лорд никогда не посмотрит на такую, как ты, даже чтобы развлечься. Никому не нужны глупые девчонки, которые даже ни разу не целовались! На одну ночь мужчины ищут женщин поопытнее. Так что захлопни свой ротик и принимайся за работу!

От обиды и унижения у меня выступили слёзы на глазах. Как она сумела так точно угадать, что было у меня на уме? В мечтах я уже выходила замуж за Роберта, а он наплевал на все условности и сословные различия ради любви. Разве в нашей стране так не произошло? Люди перестали делиться на знать и челядь, и женятся на любимых!

«Женя, какая ты ещё наивная», — отчётливо прозвучал в голове мамин голос. Сразу захотелось разрыдаться в голос, а в носу всё ещё стоял запах цветочных духов этой проклятой Бри. Да ну её!

Лорд Роберт, между тем, активно поглощал булочки и закатывал глаза от восторга. Счастливая Сибилла суежилась рядом — ведь хозяин замка не так часто заходил на её кухню. Она подливала ему чай и расспрашивала, что он желает попробовать в следующий раз.

Как только запах духов мерзавки Бри улетучился, в кухню ворвался Сэм Монро:

— Что я чувствую! Если мне скажут, что эта рыжая малышка снова испекла что-то сладкое, то я, ей-Богу, женюсь!

Он громогласно расхохотался, а когда увидел меня, то расцвёл улыбкой и заключил в медвежьи объятия:

— Когда лошадь Роба наступила на тебя в том лесу, я даже не думал, какое сокровище мы чуть не раздавили! Джейн, это твоя выпечка так восхитительно пахнет?

Я кивнула, но тут лорд вмешался в этот монолог:

— Монро, ты рискуешь не успеть попробовать эти восхитительные булочки, если будешь и дальше болтать и лапать МОЮ кухарку!

Они вместе расхохотались, а Сибилла уже спешила с новой чайной парой к столу. А я, зардевшаяся и смущённая, поспешила поставить ещё один чайник на плиту.

Последним до кухни дошёл третий мужчина, имени которого я не знала, и со времени моего появления в замке не появлявшийся на горизонте. Он был одет в ту же одежду, что и при нашей встрече — всю в катышках и заплатках. Седовласый джентельмен производил впечатление бедного и неухоженного старика, но его орлиный взгляд не позволял никому выразить даже крупицу жалости. Судя по всему, благородная бедность была его собственным выбором.

— Патрик, ты успел на последние две булочки! И если не поторопишься, то Монро сожрёт их раньше! — повеселевший Роберт напоминал сейчас хулиганистого мальчишку, который уже уверовал в то, что мои булочки — это его личная заслуга.

Патрик молча прошёл за стол, принял чайные чашку и блюдце, и ухватил сиротливо лежащую булочку.

— Джейн, а что ты ещё умеешь печь? — лорд Роберт, казалось, только сейчас соизволил обратить взгляд на меня. — И что тебе для этого надо?

— Всего лишь мелочи, сэр, — скромно потупила я глаза. — Муку, сахар, яйца. Специи. И свободное время. Если вы согласитесь перевести меня с должности уборщицы в должность кондитера, то сможет каждый день вкушать десерты. И я даже смогу достать для вас сахар.

Не удержавшись от улыбки, я игриво взглянула на него, и он улыбнулся в ответ. Сердце расцвело. Кажется, у меня появился шанс избавиться от ненавистной уборки.

— А кто тогда будет убирать на кухне? — резонно заметил Патрик. Роберт озадаченно кивнул и задумался.

— Если ты сама найдёшь себе замену, то, так и быть, я соглашусь. А пока я добавлю тебе жалованье на 5 элов в месяц за то, что ты печёшь нам вкусности.

— А за специи, сэр? Корица была из моих личных запасов! — возмутилась я. Вроде бы и победа, но на каких условиях? Где я им найду замену, если никого тут не знаю? Да и он сам говорил, что никто не соглашается идти работать в замок. Ну, и вопрос с корицей был справедливым. Когда она, а также другие специи, закончатся, то что я буду делать?

— Поедете с Монро на рынок и найдёте там то, что тебе нужно. Но только по выгодной цене, без переплаты! — Роб мгновенно подобрался и превратился в прижимистого хозяина.

Вот тебе и на!

— Сэр, а могу я попросить помощи мужчин для добычи кленового сиропа? Тот сахар, что я положила в эти булочки, сделан из него.

Мужчины разом повернулись ко мне и уставились единым фронтом. Что? Что я такого сказала?

— Ты хочешь добывать сок священных клёнов? — с ужасом спросил престарелый Патрик, и я так и видела, что он готов осенить себя крестом и крикнуть мне «сгинь»!

— Патрик, прекрати пугать девочку своими предрассудками. Если клёнам это никак не вредит, то почему бы и нет? Немного сахара ещё никому не помешало!

Мужчины переглянулись и обменялись только им одним понятными взглядами. Потом в молчании допили чай, поднялись и покинули кухню, так ничего мне и не сказав. Поджав губы, я разочарованно вздохнула, но деваться было некогда.

Одновременно довольная и недовольная внутри, я в итоге принялась за анфельцию. Следовало её хорошенько промыть от морской соли и песка и поставить варить. Будем экспериментировать по памяти!

Тем временем в кухню вернулся Сэм Монро и сказал, лукаво прищурившись:

— Джейн, если ты готова, то у меня есть свободное время, чтобы помочь тебе с клёнами. Роб разрешил.

Я обрадованно вспыхнула и покосилась на кастрюлю, переживая за водоросли. Сибилла ответила:

— Иди-иди, я посмотрю за твоим отваром. Сахар нужнее!

Я ей объяснила, что варить нужно не менее трёх часов, подливая воду, а потом вынести на улицу и остудить. Ну, а дальше я уже сама.

Потом оглянулась, с сожалением отметив, что последний тёплый платок лежит сейчас мокрым в углу кухни и медленно покрывается белёсыми разводами от морской соли.

— Ох, тебе нечего одеть? На улице сегодня такой ветер! — запричитала Сибилла. — Давай я дам тебе свой платок, закутайся посильнее! Бедняжка, совсем раздетая!

Сэм молча наблюдал за этой сценой, сцепив на груди руки и нетерпеливо постукивая ногой. Наконец, нагрузив его двумя ведрами, в которых лежал острый нож, и сама взяв ещё два ведра, я бодро вышла из кухни.

В лицо пахнуло холодом, хотя день был солнечным. Пронзительный ветер дул откуда-то сверху, но стих, стоило нам только войти в лес. Он тут же погрузил нас в своё живое безмолвие и укрыл от холода.

— А какие клёны ты используешь для сбора сока? — спросил Сэм, стараясь нарушить неловкое молчание.

— Да любые, — улыбнулась я. — Я просто вспомнила, что так делают на моей родине, но других тонкостей я не знаю. Так что будем пробовать сами.

— Тогда нет смысла уходить далеко от замка, да? — с непонятной эмоцией пробормотал он, и я кивнула.

— Надо уйти удобную полянку и взять сок у нескольких деревьев, чтобы сильно им не навредить. И я не знаю, замерзает ли их сок зимой? Если да, то не мешало бы запастись сладким сиропом впрок.

Сэм задумчиво кивнул и выслушал мои инструкции. Потом ловко продырявил стволы, а из гибкой коры скрутил соломинки и вставил в ранки четырём деревьям. Сок закапал сквозь них точно в подставленное ведро.

Теперь оставалось только ждать.

— Давай присядем на это бревно и ты расскажешь мне о себе, — проговорил Сэм и похлопал по месту рядом с собой. — Я наблюдаю за тобой и никак не могу понять, кто ты такая. Ты совершенно точно молода, но не глупа. Хоть и рыжая, но очень красивая, а ведёшь себя так, будто ни один мужчина не ухаживал за тобой.

Сырые глаза Сэма потеплели и он заглянул в мои. От его слов стало так хорошо и легко на душе, что я улыбнулась в ответ.

— Спасибо тебе за добрые слова. Но я та, кто есть — просто молодая девушка, умеющая печь сладости. И ни один мужчина действительно за мной ещё не ухаживал, — застенчиво поделилась я, почувствовав смущение от такого пристального ко мне внимания.

— Где ты родилась? Из какой семьи? — продолжал допытываться он, но застать меня врасплох не смог.

— Я уже говорила — я не помню, после кораблекрушения нет ни одного воспоминания в голове, — искренне проговорила я. — Я думаю, что не одна в семье и где-то далеко есть моя родина. Но как узнать — где?

Сэм осторожно заправил выбившуюся рыжую прядь за ухо и провёл кончиками пальцев по моей щеке. Это было приятно, но я не отрывала взгляда от его блестящих глаз. Он искренне любовался мной и я наслаждалась его вниманием.

— Бедная маленькая девочка, совсем никого в этом мире, — проговорил он. — Я буду твоим защитником и твоей опорой. Ты — настоящее сокровище, — прошептал он и приблизился к моему лицу настолько, что я могла почувствовать на губах его дыхание. Вопросительно заглянув в глаза, он будто бы спрашивал разрешение для поцелуя. И в моей голове прозвучали ядовитые слова леди Бри: «Никому не нужны глупые девчонки, которые даже ни разу не целовались!»

А я и правда никогда не целовалась. И решила это исправить.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.